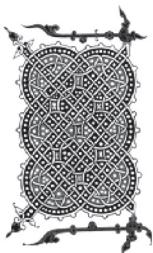

©2020 О. В. Кириченко
Россия, Москва

ЕВРАЗИЙСТВО ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена концепции евразийства, развивающейся во времени (с 1920-х годов по сегодняшний день) и претерпевшей значительную трансформацию как в содержательной части, так и в целевой. Сегодня евразийство – не столько научная теория, сколько идеология, вокруг которой концентрируются значительные силы внутри России и за рубежом. Евразийская мысль представлена двумя международными глобальными проектами: один с китайским центром, другой с турецким. Евразийство нельзя считать российским национальным проектом ни исторически, ни интенционально.

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, нация, этнос, идеология, научная теория, монгольская империя, китайский проект, турецкий проект.

Abstract. The article is devoted to the concept of Eurasianism, evolving in time (from the 1920s to the present day) and undergoing a significant transformation both in the content and in the target. Today Eurasianism is not so much a scientific theory as an ideology around which significant forces are concentrated within Russia and abroad. Eurasian thought is represented by two international global projects: one with a Chinese center, the other with a Turkish one. Eurasianism cannot be considered a Russian national project, either historically or intentionally.

Key words: Eurasianism, neo-Eurasianism, nation, ethnus, ideology, scientific theory, Mongol Empire, Chinese project, Turkish project.

Статья выполнена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН, проект «Российские ценности и символы: национальное единство и этнокультурное многообразие»

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Viktorovich) – главный научный сотрудник ИЭА РАН, доктор исторических наук, главный редактор научного православного журнала «Традиции и современность» / kirichenko.oleg.1961@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 25. С. 14–40

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>

УДК – 316.342.7; ББК – 63.5/66.5(0) 6; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2020-25/14-40>

Постановка проблемы

Совсем непросто определиться с тем, что стоит за термином «евразийство»: научная теория, политическая доктрина или социальный миф, внедряемый в умы учеными, политиками и в немалой степени литераторами. Другой, не менее важный вопрос: выяснение каналов его продвижения, причин популярности евразийства. Идеи евразийства звучат со стороны политики, науки, художественной сферы; говорят о разном, но называют это евразийством. Задача статьи – не только разобраться в этой разноголосице, понять причины ее появления, но и ответить на главный вопрос: как связано евразийство с проблемами национальных отношений в современной России. В качестве гипотезы нами выдвигается понимание евразийства как сложного по происхождению и эволюции идейного комплекса знаний, которые нужны в конечном счете для политических целей, это учение, призванное стать идеологией. Очевидна и полемика евразийства с марксизмом, в его советском изводе, который, по мысли евразийцев, не выполнил своих исторических задач, касающихся подлинного решения национальных вопросов в России. Таким образом, претендую в будущем на роль ведущей государственной идеологии, евразийство (как и марксизм) вынуждено было проходить свой сложный, эволюционный путь, включающий разные ступени функционального знания: научного (философского, исторического, этнологического), политического, мифopoэтического, – работающего в целом на одну идею, идею евразийства. Отметим также, что, как ни богата на тексты историография вопроса, но все они касаются разбора точек зрения отдельных представителей евразийства, нет понимания целостности движения (нет ни одной такой работы), как нет и попыток объяснить, почему евразийство такое разное и куда оно движется. Словом, все эти вопросы, отсутствующие в историографии, мы и поднимаем в статье.

Мы исходим из того, что евразийство, сначала как теория, родилось под звездой постмодерна, еще только разворачивающегося в СССР, но ясного и очевидного из близкого русского зарубежья. Кто-то в зарубежье не принял тогда это фундаментальное покушение большевиков на русские и российские начала, но для евразийцев именно оно оказалось самым важным и интересным. Евразийство, как и большевизм, готовилось взорвать основы русской истории, традиции, ударить в самую суть русской (и российской) жизни, поэтому за его смелостью стояли не только «евразийский патриотизм», но и ирония, скрывающая страх и

смущение разрушителей; безоглядное погружение в мир вне границ и ограничений, в мир без привычных с античного времени мер и гармонии; а также нарастающая разноголосица: от автора к автору, от этапа к этапу евразийского, интеллигентского пика, завоевания России. Ирония, безграницье, хаос шли вместе с концепциями, размывающими привычное понимание России как страны с определенной историей и культурой; понимание русских граничило с их отторжением от подлинной истории и представлением их как народа «Гога и Магога» эсхатологического времени. К этому нас ведет дугинское неоевразийство, где в евразийском пространстве нет уже никого ответственного за историю, нет и ведомого (все равны и безответственны), нет подлинной человеческой истории, но вся она помещена в прокрустово ложе безумств, сумасшествий, отклонений, господств низших инфернальных сил. Утешает, что эта история присутствует пока только в книгах отдельного автора, только в воображении, но, учитывая, что эти книги читают не только рядовые читатели, но и политики, и педагоги, и бизнесмены, нельзя не обеспокоиться тем, куда пришла сегодня евразийская мысль, претендующая на первенство в правах на идеологию. Конечно, как только ее позовут. Поэтому есть настоятельная потребность рассмотреть евразийство без розовых очков «модного течения», остроумных концепций, а с точки зрения сущностной: насколько эта теория отвечает подлинным традициям и интересам России, русских, других народов, населяющих страну.

Ранний (эмигрантский) этап евразийства

Евразийство родилось в ранний период эмиграции русской интеллигенции, покинувшей,вольно или невольно, советскую Россию в начале 1920-х годов. Оппозиционный настрой эмигрантов-евразийцев касался, как ни странно, критики не большевистской России, а принявший их Европы. Высокомерие Европы, не умеющей смотреть правильными глазами на Россию и на Азию, становится главной проблемой евразийцев на долгие годы. Евразийство как мировоззрение, конечно, начало рождаться еще в дореволюционной России; тогда среди петербургской художественной интеллигенции появилось тяготение к «азиатской экзотике», которая связывалась, кроме разного этнографического, с миром таинственных символов, глубоких восточных знаний, особой мистики – всего того, что серебряный век воспринял как альтернативу западной рациональной мудрости. Но, очевидно, тогда тяготение к Востоку не облеклось еще ни в какие иные формы, кроме на-

учных и художественных. Когда же империи не стало, а в России вслед за октябрьской революцией была развязана Гражданская война, все стали свидетелями грандиозных событий, связанных со сменой вектора революции. Начиналась она большевиками как социальная революция, а закончилась вместе с окончанием Гражданской войны как национальная, в связи с беспрецедентно активным участием «национальных окраин» в этой войне. Это и стало очевидным, на наш взгляд, для русских эмигрантов, не равнодушных к теме «Востока», и стало поводом для научного осмысливания этого феномена. Таким образом, евразийство, прежде всего в лице его основоположника Николая Сергеевича Трубецкого, мы рассматриваем как научную реакцию на ближайшие политические события, связанные с активным участием в Гражданской войне не только «малых народов» России, но и в целом многочисленных представителей Азии, прежде всего китайцев.

Выход книги князя Трубецкого «Европа и человечество» в 1920 г. принято считать датой рождения евразийства. В ней автор пишет, что идеи, изложенные в книге, сложились более десяти лет назад, в 1910-е г., т.е. после русско-японской войны.

Исторические взгляды Н. С. Трубецкого, судя по всему, сложились под воздействием трудов В. О. Ключевского, автора «народной истории» России, сторонника доминирования географического фактора, стоявшего также на точке зрения «торговой теории». В историческом очерке «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (1925 год) Н. С. Трубецкой использует все эти наработки крупнейшего тогда исторического авторитета в России. Так, причину, по которой только с эпохи Чингисхана (и завоеваний монголов) можно начинать подлинную политическую историю Руси, он связывает именно с тем, что у географии Руси было свое историческое задание: «осуществление товарообмена между Балтийским и Черными морями» (Трубецкой 2019а: 16). Киевская Русь не смогла решить эту задачу. А вот Золотая Орда смогла. Хлесткие и парадоксальные оценки русской истории, которые звучат в работе, также даны «в стиле Ключевского»: «Татарский режим, унизительный для национального самолюбия, многих русских людей из разных слоев общества привел к полной утрате как национального самолюбия, так и вообще чувства долга и достоинства». Все эти чувства, как следует далее из текста, русским вернули татаро-монголы, у которых они были весьма развиты, как у кочевников.

«Татарского ига не было», вместо примитивной системы дорожных коммуникаций Русь получила «монгольскую сеть почтовых путей», Русь не просто приобщилась к монгольской государственности (!), но усвоила сам ее дух, «дух Чингисхана». «Великая идея» на века стала путеводной звездой русской государственности. Русские князья «сначала просто пристроились к татарскому режиму... потом они стали работать вместе с татарами, проникнувшись государственными соображениями более широкого масштаба». Как только Русь освободилась от «гнета татар», так сразу началось создание нового типа государственности – централизованной монархии по типу золотоордынской. Таким образом, Русь была втянута татаро-монголами в глобальный государственный и цивилизационный проект, соединяющий кочевой мир Азии и оседлый мир Восточной Европы, породив феномен Евразии. Вплоть до Петра I выдерживалась эта благодатная для России стратегия освоения территории, потом начинается искажение исторического проекта, и в результате в 1917 г. страна терпит катастрофу. С Петра I начинается преклонение России перед Европой, вместе с чем к нам пришли европейские «ценности»: милитаризм, шовинизм, космополитизм. Имперский период России для автора — сплошное черное пятно: государство-милитарист, Церковь угнетена, народы России подвержены преступной политике русификации. Большевики, взяв власть, должны были исправить положение, и они как будто начали что-то делать: «по отношению к Востоку впервые взяли правильный тон», но во всем остальном продолжили старую политику европеизации (курс на коммунизм и социализм). В конце исторического очерка Н. С. Трубецкой ставит приоритетную задачу для страны: «создание новой культуры» через решение вопроса «в области быта и психологии». Создание культуры предполагает создание такой системы, где все будет подчинено религиозному началу не формально, а фактически.

Данный исторический очерк весьма показателен для классика евразийства; приходилось начинать с «азов», с новой истории, с новой фактуры и даже с использования нового механизма для создания исторического текста, механизма конструирования. Во всяком случае, сверхлиберальный В. О. Ключевский еще на это не решался, т.е. начать писать русскую историю заново, с нуля. А тут не только проявлена воля на обнуление истории, но есть повод и причина для этого. Причиной для Трубецкого стала политическая задача – видеть новую Россию взамен большевистской, где «заря национальной свободы» для малых народов соче-

талась с тоталитаризмом социалистической власти. Вот почему князь Трубецкой, при том что не хотел видеть в евразийстве политическое движение, зауживающее процесс умственного просвещения (Ермишина 2008а: 9), сам способствовал его политизации.

Радикализм научных взглядов князя Трубецкого очевиден. Он словно продолжает, следом за П. Я. Чаадаевым, декларировать новую методологию исследования родной истории: «Прекрасная вещь любовь к отечеству, но есть еще более прекрасное – это любовь к истине». И добавляет: «Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур... Правда, мы, русские, всегда мало интересовались тем, что – истина и что ложь» (Чаадаев 1989: 140). У Чаадаева можно было почерпнуть и ряд других идей, ставших основополагающими для классика евразийцев: о несамостоятельности России и русских, постоянном заимствовании всего и вся; о «пустоте славянских душ» и, наконец, о господстве «географического фактора» над историей России, о призрачности монгольского ига (Чаадаев 1989: 143, 144, 154). Можно сказать, что здесь присутствует как в капле воды вся программа князя Трубецкого. Так, в основополагающей статье «Проблема русского самосознания» он говорит, что Россия и русские не знали (до евразийцев) подлинного патриотизма; прежний патриотизм-национализм был неистинный, эгоистичный, подражательный. Даже славянофилы здесь мало преуспели (Трубецкой 2019б: 156). Русская культура, с его точки зрения, условное понятие, в ней от славянства только язык, но все фундаментальное от других народов: византийцев-греков, романо-германцев, финно-угров и особенно много от тюркских народов. Ни русский фольклор, ни русский характер, включая сюда все его лучшие черты, все это не родное, не славянское, а или византийское или тюркское. Как языковед, разобрав внутренний строй ряда тюркских языков и отметив влияние языка на твердый характер его носителей, Трубецкой безапелляционно утверждает, что только такие люди могли создать великую российскую державу и что «туранский психологический тип» лег в основу русского типа. Туранцы же (а это пять азиатских этнокомпонентов) позволили создать такой уклад жизни, общества и государства, где все концентрируется в одной точке, все распределено по одной вертикали (Трубецкой 2019в: 194). Даже приверженность к православию у русских – от туранцев. Не приводя никаких данных по физической антропологии (да и были ли они тогда?), князь Трубецкой делает глобаль-

ный вывод: антропологического славянского типа не существует, это миф (Трубецкой 2019г: 247). В статье «Русская проблема» и ряде других Трубецкой поднимает тему большевистского евразийства, отдает им должное за сближение большевиков с Востоком, благодарит за их колossalное влияние на Восток. Однако подчеркивает, что большевики не последовательны, что они исповедуют социализм – западную идеологию, а Запад кровный враг евразийства, поэтому с большевиками евразийцам не по пути. Чрезвычайно любопытна еще одна статья Трубецкого «О идео-правительнице идеократического государства», посвященная принципам формирования элиты для государства нового типа, построенного по евразийским лекалам. В этом государстве правит не царь и не президент, не парламент, а идея. Идеей просвещен правящий класс, отбираемый тщательно, способом «селекции». Здесь и твердость мировоззрения, и «готовность принести себя в жертву идео-правительнице», и следование цели служения. Народ в таком государстве – это «коллективная биологическая особь», с ним, с его благом эта цель служения не связана. Элита работает не на благо народа, а для создания культуры, которая единит народы и делает их одним целым. И вот это сообщество «совокупности народов, населяющих данный автарический особый мир», и становится идео-правительницей. Совершенно очевидно, что здесь прямая перекличка с большевистской формой идеократии и большевистским служением «совокупности народов». И в этом контексте, уже очевидно политическом, совершенно понятен Кламарский кризис и переход части евразийцев на большевистские позиции (Ермишина 2008б: 287–323).

Коротко об основных идеях князя Н. С. Трубецкого. А). Н. С. Трубецкой отталкивается от антиевропейских взглядов, считая, что отсюда идет все зло для России и для других народов. Б). Радикальный пересмотр русской истории; а это не только труды историков XVIII – начала XX веков (а это вся послепетровская русская историческая школа!), но и вся средневековая традиция, которая представлена летописями, хронографами, военными повестями, фольклором. И весь этот материал стоит за то, что русская государственность развивалась по своим внутренним законам, а не заимствованным извне. Но князь этого не учитывает, он настаивает, что российское государство создал Чингисхан, а не сами русские. В). Декларативное объявление «туранской» культуры и психологии основой для русского характера и менталитета. Корни русских не в славянстве, а в восточ-

Чингисхан. Лондон. Скульптор Даши Намдаков. 2012 г. (Источник: artguite.com)

Мемориальный комплекс «Чингисхан на коне». г. Цонжин Болдоге, Монголия (Источник: rutraveller.ru)

Памятник Чингисхану.
Поселок Привольное, Калмыкия, Россия

Памятник Чингисхану в г. Улан-Баторе, Монголия
(Источник: kavkazr.com)

Памятник Л. Н. Гумилеву в Казани, Россия

Монумент Независимости на площади Республики в Алматы, Казахстан. Открыт в 1996 г. Символическая композиция, в центре которой Чингисхан, а вокруг образы казахов как оплота великой Монгольской империи.

Композиция «Монгольское войско во главе с Чингисханом». г. Хайлар во Внутренней Монголии (КНР). Главная площадь города носит имя Чингисхана (Источник: assiarssia.ru)

Памятник Чингисхану. г. Ордос. КНР

Памятник Чингисхану. г. Хух-Хото. КНР

Казахские коллекционные монеты из золота и серебра

Каменная композиция «Вожди и воины монгольского войска». КНР

ных культурах, считает князь. Г). На современном этапе, после революции и ввиду неспособности большевиков решить историческую задачу евразийского переформатирования России, эту задачу должны выполнить евразийцы. Они должны помочь Родине создать новую элиту, ориентированную на евразийскую идеологию. Провозглашается национальная идея – служение народам России. Заметим со своей стороны, что, хотя князь Трубецкой и обладал профессиональными возможностями талантливого филолога, поставленные им задачи были несоразмерны вызовам, брошенным им русской науке, русской истории и культуре. Поэтому очерковый и декларативный характер «евразийского учения», не проработанного классиком этого направления научно, был рассчитан на политическое решение вопроса, как это было и у большевиков. Главное прийти к власти, и тогда можно будет воплотить (или воплощать) миф о «евразийской России».

Документы других сторонников зарубежного евразийского движения в целом подтверждают эти выводы. Опубликовано немало статей, выходили периодические издания, коллективные монографии, но все это оказалось несоразмерно глобальности того, на что замахивались евразийцы. Ведь дело было не в смелых декларациях и призывах к развороту России в сторону Востока; на первом плане стояло, и незыблемо стояло, как неприступная гора, здание русской истории, культуры, этнографии, построенное на принципиально иной основе. И разрушить это здание у евразийцев не было сил, как не было сил возвести новое, потому что тот малый научный задел, который они имели, был каплей в море, по сравнению с морем противоположного лагеря.

Интересно отметить, что в коллективных трудах евразийцев большое внимание уделяется церковной тематике. Идеи князя Н. С. Трубецкого о народе – «симфонической личности» здесь переносятся на церковное учение о Церкви как соборном организме. В работе «Евразийство. Опыт систематического изложения» (1926 г.) проводится мысль, что через русскую культуру, «становящуюся Церковью», происходит соединение Церкви и народа. «Евразия – особая симфоническая личностная индивидуализация Православной Церкви и культуры». Авторы книги договариваются до идеи, входящей вразрез с православным учением о Церкви: «Русская Православная Церковь является собой симфоническое личностное бытие», а «евразийская русская культура есть высшая форма этого бытия» (Ермиишина 2008б: 141). Идеи

«Москвы – Третьего Рима», как и идеи славянофилов не выполнили своего предназначения, дело теперь за евразийцами. Для евразийцев «русские» – это не этнос, а разноэтническое культурное сообщество, а «Евразия – это культурная личность». Да не просто личность, а личность со статусом в мире: «руководящая и первенствующая в ряду человеческих культур» (Дугин 2002: 134). В этой же работе большевикам в России предрекается скорый крах и замена их идеологии евразийской. Евразийцы говорят о преимуществе монархической власти. В ряде программных документов предлагаются пошаговые меры преобразования большевистского строя, в том числе его экономических основ, на новой платформе. Очевидно, до евразийцев доходили сведения, что НЭП начинает подминать под себя новый строй в советской России, в результате чего власти растеряны и не знают, что делать. В общем-то это просматривается и по расекреченным сейчас документам Политбюро тех лет, из чего становится понятным, что 1926–1927 годы, когда наверху принимается решение о сворачивании НЭПа, и стали началом сталинского возвышения и началом больших перемен в стране. Евразийцы не думали, что страна справится со стихией «свободного капитализма», которому открыл дорогу НЭП, но большевики действовали не по законам рынка и демократической Европы, а, как всегда, по законам военного времени.

Из других теоретиков-зарубежников, пожалуй, только П. Н. Савицкий внес равнозначную Трубецкому лепту в теорию евразийства (Савицкий 1997). Он более других разрабатывал две важных идеи: а) о православии как фундаменте евразийства (куда только ушла эта идея у Гумилева и Дугина?); б) о континенте Евразия, имеющем особые географические приметы. Последняя идея, как нам кажется, вообще составляет суть евразийства: уникальный, словно для России созданный «континентальный принцип». Но от всего этого последующие евразийцы ушли очень далеко, в свои теории, где от евразийской классики осталась историография как память об учителях.

Л. Н. Гумилев и советский проект евразийства

Ранним, зарубежным евразийцам не хватало фундаментальности в проработке русской истории. Неподъемная задача, написать русскую историю с чистого листа, не могла быть решена за одно поколение, но такая задача ставилась. Однако, когда за эту задачу взялся профессиональный историк-евразиец Г. В. Вернадский, на практике выяснилось, что одно дело идеи и желание видеть

Россию евразийской, другое дело объективная реальность. Чтобы не погрешить против истины, американский историк Вернадский вынужден был очень осторожно проводить мысль о преемственности Золотой Орды и Московского царства. Какое-то влияние, безусловно, было: в придворном этикете, дипломатическом церемониале, почтовой службе, но не более (Вернадский 1997: 394). Не случайно Л. Н. Гумилев критикует своего коллегу и корреспондента по тайной переписке за следование «классической» позиции. Очевидно, Л. Н. Гумилев все-таки сознательно взял на себя роль «паровоза» всего длинного евразийского состава, напичканного идеями и желанием евразийских преобразований в СССР, но не обладающего необходимым научным потенциалом. У него был безусловный талант творческого человека, эрудиция, харизма, идущая от поэтических «небожителей», отца и матери; были встреча и общение с П. Н. Савицким, последним крупным евразийцем, фактически передавшим Гумилеву эстафетную палочку из-за границы. Ну и судя по поставленной задаче – приблизить русскую историю в ее академическом научном описании к задачам евразийства – большие амбиции.

Конечно, Л. Н. Гумилев не мог, находясь в России, исповедовать антиевропеизм столь же радикально, как князь Трубецкой, имена его родителей просто не позволяли это делать. Да и не только их память, но и сама советская гуманитарная академическая среда не приняла бы такой обскурантизм европейской культуры, от кого бы он ни исходил. Тем более, эта среда, в своих лучших представителях, была очень терпима к взглядам Гумилева. Например, такой адепт древнерусской культуры, как Д. С. Лихачев, при том что не принимал евразийство как идеологию, встречался с Л. Н. Гумилевым, приглашал его к себе в дом, на чай. Внучка Лихачева Зинаида Курбатова вспоминает такое посещение: «Однажды дед сказал, что в гости придет сын Ахматовой и Гумилева, и чтобы я глядела на него во все глаза и не пропускала ни одного слова» (Бобкович 2016: 13). Тем не менее, Д. С. Лихачев считался антиевразийцем, он писал о преувеличении значения «географического положения России, о роли в ней “восточных” и, в частности, “туранских” элементов» (Лихачев 1987: 267). Вот его аргументы: «Не обнаружены сколько-нибудь заметные влияния азиатских стран в русском изобразительном искусстве и архитектуре. Рассыпались представления об азиатском характере архитектуры Василия Блаженного, о чем так настойчиво писал в свое время Биолле-ле-Дюк. Отмечу как курьез попытки связать некоторые черты сходства

архитектуры русской и арабской с влиянием последней на первую... В древнерусской литературе прежде всего обращает на себя внимание полное отсутствие переводов с азиатских языков. Древняя Русь знала переводы с греческого, с латинского, с древнееврейского, знала произведения, созданные в Болгарии, Македонии и Сербии, знала переводы с чешского, немецкого, польского, но не знала ни одного перевода с турецкого, татарского, с языков Средней Азии и Кавказа. Устным путем проникли к нам два–три сюжета с грузинского и с татарского... Как ни странно, восточные сюжеты проникали к нам через западные границы Руси, от западноевропейских народов... Отсутствие литературных связей с Азией является поражающей особенностью древнерусской литературы. Смею утверждать, что среди всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком» (Лихачев 1987: 268–269). Автор связывал этот факт с «особой со-противляемостью по отношению к Азии». Только в XVIII в. в России появляются восточные темы.

Тем не менее, Лихачев откликается на просьбу Л. Гумилева написать предисловие к его труду, посвященному Древней Руси. Он очень осторожен в критике («элементов реконструкции больше, чем у других историков», «такой опыт реконструкции, даже не будучи во всем достоверен, имеет все права на существование» и т.д.), но отметил и положительное значение («ее значение выходит далеко за рамки традиционного понимания истории как науки») как явления культуры (Лихачев 1989: 7–10).

Хотя задачи по переписыванию российской истории у Гумилева и отличались глобальностью, но все же он действовал осторожно. У него нет описаний несостоенности, несамостоятельности Древней Руси, особенно в домонгольский период. Все строится на более широкой (и объективной) платформе участников «этногенеза», в котором задействованы не только триада: Европа/Русь/Евразия, но и «разная Европа», «разная Евразия» и «разная Россия». И везде есть свои непростые исторические коллизии и разные (с точки зрения интересов Руси) участники событий. Очень важной в этой связи следует назвать позицию Гумилева как профессионала: он не ставит открыто политических целей, для него евразийское дело – это своего рода «детская мечта об освобождении индейцев», поэтому она наполнена религиозной силой, это почти исповедание веры. Автор не только знает, но и *верит* в искомое знание, в ту правду, о которой говорит. Из этой веры

вытекает очень многое в концепции Гумилева. Он идет вслед за большевиками, вслед за воинствующими атеистами, первыми исповедовавшими свою веру в науку без Бога. Вера в безбожие, согласимся, такая же вера, как и вера в Бога, ведь дело не в субъекте, а в страсти отношения. Но Гумилев не атеист, он верит в святую материю, в обожествленную материю, и отсюда ему близка точка зрения В. И. Вернадского о биохимической энергии живого вещества, позволяющая ему развить оригинальную теорию этногенеза. Энергетический процесс обмена на человеческом уровне, по Гумилеву, отличается тем, что в этот процесс включаются социальные и этнические формы, но включаются неосознанно, хотя и целенаправленно, по-человечески. Ритм энергетических всплесков и угарений задает природа, человек лишь включается в этот процесс и строит на этой основе свой мир, создает свою культуру. Всё это, по Гумилеву, несомненно указывает на то, что минерал и человек по большому счету мало чем отличаются друг от друга, только характером артефактов, но и камень и человек только объекты, а не субъекты истории. Причем, человек как сознательное, умное существо в своей энергетической программе действия близок скорее машине, чем какому-либо живому существу. Иначе как понять, что пассионарии – носители избыточной энергии, нередко являются ее невольниками; пассионарии – это и Скупой рыцарь Пушкина, и какой-нибудь проходимец-пират, ушедший добровольно на поиски приключений, и много таких персонажей, которых не поворачивается язык назвать творцами истории. То есть избыточная энергия не делает еще людей хорошими, а только подвернувшиеся исторические обстоятельства. Но при этом Петр I у Гумилева – не пассионарий, из-за своего традиционализма.

Какая роль предназначалась теории этногенеза Л. Н. Гумилева, этому историческому хаосу, состоящему из гомеостаза, «перегрева»-подъема, акматической – пиковой стадии, надлома, инерционной стадии, обскурации, регенерации и превращения в реликт? Мистик Даниил Андреев в «Розе мира» видел динамику исторического процесса, тоже носящего катастрофический характер, в умной вулканической деятельности неких сил, коррелирующих с небесными силами. Об особом мире «геологических разломов» говорят сегодня специалисты, занимающиеся нетрадиционной геологией. Они выстраивают свою модель, где на цивилизационные и исторические процессы активно влияют геологические изменения, сам рельеф местности, ее геологическая активность (Федоров 2009: 214–285; Федоров 2008: 345–375). Несо-

мненно, что энергия в ее разных ипостасях все более становится предметом для большего размышления гуманитариев. Но насколько высока научная эффективность применения этого метода у Гумилева? Во-первых, кроме автора, эту теорию больше никто не использовал, в силу ее сложности и неясности функционирования; во-вторых, этот метод играет у Гумилева, скорее, подсобную роль, чем определяющую. Постоянно создается впечатление, что автор подверстывает под те или иные исторические катаклизмы необходимую стадиальность. А дальше уже рисует линию разлома, по которой прошла пассионарная дуга. Субъективность в понимании появления территорий активности делает саму теорию очень уязвимой. Конечно, дело еще в специфике метода Гумилева, который можно обозначить как «глобальное краеведение». Тысячи единичных фактов, порой очень редких и ценных, повисали бы в воздухе, если бы не условная и субъективная аналитика пассионарных геомагнитных схем. А ведь именно в этой теории Гумилев видел свой важнейший вклад в евразийское дело! Хотя серьезные историки видят в этом самую слабую сторону Гумилева-ученого, отдавая в то же время дань его историческим и этнологическим работам по этнической истории Великой Степи. Как ученый он решал важную задачу – реабилитации Степи в глазах научного мира и просто общественности, и, как нам кажется, эту задачу он выполнил блестяще. Первые несколько фундаментальных монографий – «Хунну» (1960 г.), «Древние тюрки» (1967 г.), «Открытие Хазарии» (1966 г.), «Поиски вымышленного царства» (1970 г.), «Хунны в Китае» (1974 г.) – действительно пробили брешь в стене предвзятости и негативизма у многих ученых в отношении степной культуры. С Гумилева начинается новая эра в изучении Степи, но самое главное – в отношении к ней. Конечно, глубокая погруженность в тематику не привела к перемене евразийских взглядов Гумилева, но объективно (может быть, даже помимо воли исследователя) заставила его уйти от подчиненности степной темы идеологическому евразийскому диктату. В более поздних работах, где действует уже теория пассионарности и начинает выстраиваться в соответствии с ней теория этногенеза, мы видим, как любое уже крупное историческое явление попадает в жесткий идеологический каркас и тем самым приобретает особые черты политического памфлета, со своей программой и интенцией. Это заметно в работе «Древняя Русь и Великая степь», раскрывающей особенности положительного влияния Золотой Орды на Русь. Здесь теория Гумилева напрямую работает на евразийство: «запустение и “погибель Русской

земли” произошли не по вине злых соседей, а вследствие естественного процесса – старения этнической системы, или, что то же, снижения пассионарного напряжения» (Гумилев 1989: 505); сюда же – утверждения о незначительных разрушениях первой – Батыевой – волны нашествия; также – о скромной численности монголо-татарского войска; о чуть ли не союзничестве русских и золотоординцев после покорения Руси («отношения симбиоза», потом «военный союз с Ордой», места для ига не было и т.д.).

Презентации теории этногенеза Л. Н. Гумилев посвятил две книги: «Этногенез и биосфера земли» (1991 г.) и «География этноса в исторический период» (1990 г.). Они и становятся, по сути, главным идейным вкладом автора в концепцию евразийства. Именно идейным, а не научным. Здесь Гумилев продолжает евразийскую линию на идеологизацию направления. В одном из текстов он прямо говорит о своей теории, что она служит делу евразийства: «Объяснение кровавых событий путем сопоставления их с натуральными катаклизмами снимает стремление к дискриминации отдельных этносов, переживающих фазу подъема пассионарного напряжения. Это протест против расизма и европоцентризма, ибо каждый ныне спокойный этнос пережил свою буйную молодость» (Гумилев 1989: 455). Иными словами, все народы на Земле повязаны кровью, у всех был свой грешок молодости, и все должны дожить до стадии реликтового состояния, когда станут объяснимы (согласно теории автора) их полный распад, в том числе нравственный: и каннибализм, и убийство стариков, и человеческие жертвоприношения, и другие самые разные проявления вынужденной «дикости». Так ставится вопрос автором. И на самом деле, это страшный по своей откровенности вывод, страшный и несправедливый. Даже неверный в корне. Попытка уравнять человечество не по верхней планке культурных достижений, как это общепринято, а по нижней, выглядит странно, с точки зрения любых ценностей, а не только европейских и христианских.

Многие вопросы вызывает и предложенная методика. Под ритмы, предложенные автором, подверстываются самые разные человеческие конгломерации: религиозные, этнические, цивилизационные, национально-государственные. И все это называется этнические сообществами. Сюда входят и христианство, и старообрядчество, и движение крестоносцев, и многое другое, что только автор может увидеть и чему дает свое название, определяя, какая это фаза этнического

соединения или дробления. Отсюда, привычные этносы, конкретные народы как-то теряются и не просматриваются в калейдоскопе мельтешащего якобы этнического движения. Все время кто-то рождается и умирает, деградирует или укрепляется. Никаких четких границ этнических явлений найти нельзя. Ритмы здесь – всё, а этносы и этнические образования – ничто. И это для автора закономерно и оправданно, ведь этнос является собой лишь оболочку социального, внутри которой бушуют химические и биологические процессы, происходит мутация организма, энергия уходит куда-то в другое место, организм опустошается (Гумилев 1990: 27). Ни человек, ни его культура не самостоятельны в этом круговороте энергии в природе. Человек вынужден жить в этнических системах, потому что они позволяют ему выжить, но это системы детерминированные, и человек не властен сам найти энергию, сам, добровольно распорядиться ей или отказаться от нее; он, по сути, заложник ситуации, связанной с энергией, недостатком или избытком ее. Кто-то «хлестнул» на Земному шару, как пишет автор, и на багровом рубце закипела жизнь, начался очередной виток этногенеза, пассионарии стали тормошить равнодушных, и те под воздействием их энергии тоже активизировались, и началось движение против чего-то, кого-то, вплоть до полной растраты энергии, а с ней и нравственности. Под бичами надсмотрщика, имя которого солнечная активность, творится человеческая история. Таков неутешительный вид картины, нарисованной интеллигентом Л. Н. Гумилевым, нарисованной для того, чтобы на Земле существовало равенство народов, равенство возможностей и равенство смыслов в том идеальном мире, который он изобразил, чтобы показать, что мир не бессмыслен, в нем есть место и маленькой человеческой правде.

Как евразиец, Гумилев пантюркист, он боготворит Степь, но она не однородна во времени и пространстве, это движущийся калейдоскоп цивилизаций и народов. В центре степной истории у Гумилева не Чингизхан (как у князя Трубецкого), а некто безымянный, коллективный, в истории, в событиях, во всем. Этому коллективному степному началу противостоит сила земледельческих цивилизаций, главной из которых является Китай. Особая роль Китая, с которым Степь была соединена самыми сокровенными связями, совсем не как Русь в период монголо-татарского ига. Китай в степной картине мира Гумилева – главный претендент на роль гегемона в Азии, и Степь во времена хуннов, а потом гуннов и монголов не дала Китаю взять первенство над Азией и тем самым уберегла

и ее, и Россию, и Запад от китайской угрозы. Эта тема раскрывается автором в монографиях «Хунны в Китае» и «Черная легенда». Получается, что Степь, как Евразия, – это хотя и воинственный, но очень важный организм, позволяющий сохранять равновесие между Европой и Азией. Потом, когда образовалась Московская Русь и Российская империя, эту миссию взяла на себя она, вобрав основные земли и народы Степи.

Итак, подведем итоги концепции Л. Н. Гумилева как продолжателя дела евразийцев-зарубежников. Ему удалось выйти, как нам кажется, на необходимую, запланированную точку отсчета. Восток в лице Великой степи благодаря его трудам приобрел новое понимание, которое стало активно развиваться, дополняться и расширяться в трудах последующих историков, археологов и этнографов (Кляшторный, Савинов 2005; Кузьмина 2008; Пьянков 2013; Трапавлов 2019; Трапавлов 2020; Синицын 2019). Л. Н. Гумилев как бы разделил, не желая того, академическую, научную часть евразийской проблемы и идейную, идеологическую задачу, политическую по своим целеполаганиям, и это разделение на «зерна и плавнели» было во благо и науке и автору¹. Научную его интенцию академическая среда приняла, а вот идейную, привязанную к его теории и методу этногенеза, думаю, что нет. Но ее приняли левые политические, патриотические силы постсоветской России, хотя и использовали по-своему. На двух основных фигурах – А. Г. Дугине и А. А. Проханове – мы и остановимся.

Евразийская концепция А. Г. Дугина

Сегодня А. Г. Дугин декларирует себя продолжателем (правопреемником и главным теоретиком) дела евразийцев. И здесь уже просматривается только политика и геополитика. Евразийство как политическое течение получает свое продолжение в среде левых российских интеллектуалов, литераторов и философов. Радикализм, заложенный в трудах Н. С. Трубецкого и других зарубежников, а также их предтечи Н. Я. Чаадаева², пройдя сквозь академическое « сито » гумилевских трудов, выходит наружу. Главным теоретическим трудом в рамках теории евразийства стала книга А. Г. Дугина «Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством». (М.: Арктика, 2000), где девиз «мыслить пространством» является центральным для автора. Он доводит евразийство до понятия «пространство», которое становится единицей мыслительного измерения. Задача автора вписать российский геополитиче-

ский проект как евразийский проект в западную шкалу геополитических ценностей. Дугин настаивает на своем правопреемстве, в то время как вплотную занимается созданием евразийского движения, потом партии. Поначалу им был создан журнал «Элементы: евразийское обозрение» (1992 г.), где международной командой левых интеллектуалов (из русских в состав редколлегии входил А. А. Проханов) публиковались статьи с разной тематикой, в том числе теософской. Журнал в целом создает странное впечатление хаотичной мешанины идей, соединенных жесткой идеологической конструкцией. На его страницах и началась обкатка идей неоевразийства. Параллельно, но с другим акцентом и с другой интенсивностью, размахом, жесткостью такая же проработка велась со страниц прохановской газеты «День». Читая сейчас эти материалы, особенно из журнала «Элементы», ловишь себя на мысли: авторы только-только порвали с чем-то важным, основательным, что их сдерживало, и вот они на свободе и буквально купаются в некоей мыслительной вседозволенности. И подтекст у нее своем не традиционный, не христианский, а скорее наоборот – антихристианский. Но это нигде не заявлялось, это ощущение шло от радикальной перестановки всех привычных слагаемых русской истории, русской мысли. К началу 2000-х произошло очевидное «остепенение» и началась подготовка к созданию евразийской партии. В 2000 г. появляется тщательно проработанная монография «Основы геополитики», а в 2002 г. А. Г. Дугин выпускает сборник материалов по евразийству, где кроме него присутствовали только классики движения, его «старики», включая Л. Н. Гумилева, всего 9 авторов. Человек, знакомый с классическим евразийством (куда мы отнесем и Л. Н. Гумилева), будет удивлен разнице взглядов «стариков» и «молодого» Дугина. В качестве главного идейного врага появляется либерализм и США, которые строят глобальный мир по своим законам, однополярным, как и было, когда врагом считалась Европа. Неоевразийство – это новый план цивилизационного ответа евразийцев, представляющих контр глобальный план объединения человечества. Как видим, задача не просто расширилась, она приобрела глобальный политический характер спасения человечества. Ясно зазвучал эсхатологический контекст особой миссии евразийцев. В речах Дугина, произнесенных по случаю образования общероссийского политического общественного движения (ОПОД) «Евразия», есть все эти новые акценты, включая и смену приоритета врага, с Европы на США (Дугин 2002б: 16–27). Открыто было заявлено об интересах геополитики, провозглашались сакрамен-

тальные «Свобода. Равенство. Братство» с небольшой корректировкой: «Свобода. Справедливость. Верность истокам». Таких двусмысленных, но отсылающих к первоисточнику реплик у Дугина не мало. Так он заканчивает свою программную речь словами: «Евразия превыше всего!». Дружеская ось союзников рисовалась так: Москва–Тегеран–Дели–Пекин.

Читая дугинские выступления на этих громких политических мероприятиях (к слову сказать, при учреждении партии «Евразия» президиум озвучил приветствие съезду от руководителя Администрации президента А. Волошина и начальника главного управления внутренней политики Администрации президента А. Косопкина), понимаешь, Дугин обращается не к специалистам евразийского движения, не к знатокам трудов Л. Н. Гумилева, а к тем, кто готов был верить ему на слово. И Дугин, пользуясь моментом, как хочет, так и переиначивает евразийскую классику. Он называет пассионарностью не то, что обозначал Лев Гумилев, у Дугина «гумилевская пассионарность» звучит как жертвенность, бессребреничество, «способность жертвовать материальными интересами ради высоких целей». Появляется странный субъект истории, называемый «Евразия», даже не евразиец: «Евразия – это ядро пассионарности, а туранские кочевые племена являются эталоном этики..., на этих принципах жертвенности, солидарности, взаимовыручки, общинности, идеализма, активной динамики и формировалась веками евразийская нравственность» (Дугин 2002в: 31–38). Если старые евразийцы (при всем их радикализме!) действовали осторожно и говорили о том, что русские – это народ, состоящий из славянского элемента, тюркского, финского и др., здесь уже выделяется своего рода национальность «евразиец», с образцовыми качествами для евразийской жизни. Вслед за А. Дугиным выступает на съезде председатель Центрального духовного управления мусульман, Верховный муфтий России Т. Таджуддин и в эмоциональной форме говорит о важности такой партии: «это движение считаем своим движением». Потом шли выступления представителя Московской Патриархии, Далай-ламы, главного раввина России, словом, экуменический контекст мероприятия был тоже налицо. Несомненно, движение для власти предержащих было своего социологической анкетой, характеризующей умонастроения российского ислама как политической силы, и в данном случае А. Дугин с его партией был использован как инструмент измерения градуса радикальности в этой сфере. Думается, что у власти в начале 2000-х годов были определенные

планы на включение ислама в легальное политическое поле, для чего был необходим не совсем обычный формат. И евразийство в его перелицованным и переформатированном, преобразованном виде становилось одной из предполагаемых площадок для этого. Вспомним, что в те же годы в Поволжье получил резонанс проект «Русский ислам». Его организатором был С. Градировский, среди активных участников Г. Павловский, а куратором представитель президента в Поволжском федеральном округе С. В. Кириенко³. Этот проект тогда свернули, как не дали ход и партии Дугина «Евразия», очевидно из-за опасений, что ситуация в этой области может выйти из-под контроля⁴.

До 2012 г. работа в партии «Евразия» фактически замерла, пока не прозвучали слова президента В. В. Путина о евразийской интеграции. И партия Дугина реанимировала свою деятельность, хотя уже не так декларативно и глобалистски. Партия жива до сих пор, она сменила свой формат, готовит молодую смену для более масштабной политической деятельности, имеет молодежное крыло, постоянный летний лагерь для молодежи, где ведется обучение идеям евразийства.

Сам же предводитель неоевразийства А. Г. Дугин в последнее время больше занимается научной и научно-просветительской деятельностью. На первый план опять стала выходить задача создания фундаментальных трудов по евразийству, поскольку потенциала Л. Н. Гумилева, издаваемого сегодня большими тиражами, уже недостаточно. Ведь теперь перед евразийцами стоят глобалистские задачи объединения мира на своих принципах. Именно руководствуясь этой задачей, А. Г. Дугин приступает к созданию и публикации своего глобального труда, состоящего из двадцати с лишним томов, «Ноомахия: войны ума», где каждый «ум» – народ, государство, традиция – представлен своим Логосом, своей системой мировидения, своим целеполаганием, своей цивилизацией. Главная цель этого труда, как нам кажется, сместить Л. Н. Гумилева с пьедестала главного научного авторитета евразийства. Коснемся этого дугинского проекта в его евразийском контексте.

А. Г. Дугин заявляет, что возвращается в своей методологии к соловьевскому софинианству, которое трактует очень упрощенно и односторонне, но однозначно пантеистически. Между тем как соловьевский пантеизм, несмотря на дискуссионность темы, признается весьма авторитетными специалистами, лучшими знатоками творчества Соловьева – А. Ф. Лосевым и Н. О. Лосским – не

соответствующим действительности. Особенно ясно на этот счет высказывается Лосев. Он считает, что Соловьева надо изучать и представлять целиком, в его эволюции, и тогда станет очевидным его антипантеизм (Лосев 2000: 282–289). Образность соловьевской мысли, особенность ее выражения почти в художественной форме и делают учение о Софии как бы пантеистическим. Это учение Соловьев вписывает в главную свою тему – о всеединстве. Лосев конкретизирует основы учения Вл. Соловьева о Софии следующими словами: «Оно было у него только конкретным и интимно сердечным выражением его центрального учения о всеединстве, включая глубочайшее патриотическое чувство о первенстве России в системе человеческого прогресса» (Лосев 2000: 226–227). Н. О. Лоссий также призывает воздержаться от упрощенного понимания Соловьева, приводит его слова о том, что он не связывает образ Софии с Божеством, считает это «глупостью и мерзостью» (Лоссий 1991: 173).

А. Г. Дугин называет свою аналитику «цивилизационной», а понятия Логос или *Dasein* берет, как он сам отмечает, у М. Хайдеггера, но в своей интерпретации, поскольку немецкий философ понимал эти термины иначе, как универсальные, имеющие общеевропейский контекст. И здесь нельзя не согласиться с российским автором, поскольку хайдеггеровский *феномен* как феномен («сущность») и как *dasein* («присутствие») отражает центричность и монологизм христианского мировоззрения. Дугин же, предлагая цивилизационный путь, а не монологический – европейский, христианский, расширяет хайдеггеровские экзистенции до «разных экзистенциальных полей», что и позволяет говорить о цивилизационно разных Логосах. Однако Хайдеггер не случайно не трактует Логос расширительно, его Логос именно христианский и именно один единственный, как Слово Божие. Дугин множит Логос, тиражирует его, что идет вразрез этого понимания. Он словно не понимает, что возможно иное, нелогосовое *присутствие* сущности. Если это, скажем, почитание Кибелы, то как можно говорить здесь о Логосе? Но Дугин этим не смущается, у него любая сущность называется Логосом, что, конечно, неверно по существу.

К тому же и Хайдеггер, и Вл. Соловьев, как и целая плеяда других авторов, на которых опирается Дугин в вопросах технического решения своей проблемы и представления структуры той или иной цивилизации, все же оказываются не главным для Дугина, они лишь подкрепляют его автомо-

ритет. Главным у него является собственная постмодернистская методика погружения в ноомахию («войны ума»), благодаря пантеистическому пониманию той формы мифа, который он выбрал за основу исследования. История для автора дышит человечеству в спину не только фактами, артефактами; ее дыхание определяется цельностью того личностного начала, которое определяло первые времена человеческого бытия. Тогда сложились три комплекса, три великих мифа, три Логоса (как сложились, Дугин не пишет), которые стали не просто мировоззрением людей древнейших эпох, они стали определяющими и неугасимыми светочами на всю последующую жизнь человечества. Это Логос Аполлона, Логос Диониса и Логос Кибелы («Великой Матери»). Разное сочетание этих трех комплексов у той или иной цивилизации и порождает ее особенности, оттуда, из прошлого, «глубинная идентичность» любого народа, любой цивилизации.

А. Г. Дугин начинает незримый спор с Л. Н. Гумилевым не потому, что его волнуют лавры последнего, а потому что Гумилев, с точки зрения Дугина, неправильно выстраивает евразийские приоритеты. И действительно, несложно заметить, как Гумилев в той же монографии «Древняя Русь и Великая степь», труде первостепенном для евразийского понимания России и ее предназначения, не весь кочевой мир Востока делает единым в отношении Руси. Он оправдывает кочевников – половцев, печенегов, угрев, гуннов, монголов, татар, но не может найти оправдания тем, кто под видом кочевников действует под самым боком Руси и при этом наносит ей самые болезненные удары. Речь идет о «химере» по имени Хазария. Методично Гумилев выявляет везде, где только можно, присутствие разных сил одной и той же «химеры» и показывает их общее негативное влияние на этногенез. Для Гумилева совершенно очевиден антиевразийский характер деятельности этой «химеры». Именно с этим подходом, с этими выводами и начинает бороться А. А. Дугин (без публичного объявления войны), когда провозглашает возрождение евразийства в форме неоевразийства. Уже в монографии «Основы geopolитики» он ставит вопрос о неоднородности европейских сил, действующих в евразийском направлении на Востоке, т.е. в России как центре Евразии. Часть V в книге («Хазарский вопрос») посвящена этой теме, причем той эпохе, которая, казалось бы, никак не может похвастаться своими приоритетами – послевоенному периоду в СССР. Здесь А. Дугин отмечает существование двух сил у европейской части советского общества: одни являются сионистами, другие евразийцами.

Те, кто защищал страну вместе со всем советским народом от фашизма, могут считаться евразийцами, а кто уклонялся от этого и не понимал и не хотел понимать войны, тот относится к сионистам. Сталин ударил в послевоенные годы по всем евреям без разбора, пишет Дугин, и тем самым совершил непоправимую ошибку, лишив русское евразийство этого важного сегмента (Дугин 2000: 739–750). Из переписки Н. С. Трубецкого с П. П. Сувчинским мы знаем, как настороженно относился первый к еврейскому участию в евразийстве, считая, что это в целом повредит делу (Ермишина 2008б: 20–21). То есть сама проблема, *кого брать в союзники на евразийском пространстве*, существовала уже у ранних евразийцев, а не только потом выявилась у Л. Н. Гумилева.

О чем нам говорит данная позиция А. Г. Дугина? О совершенно новом понимании евразийской задачи. На это указывает уже перемена вектора внимания с Европы как главного врага Евразии на США. Европейский контекст подразумевал все-таки существование противоречия в рамках одного Европейско-Азиатского поля, исторически соединенного в одно целое. А объявление врагом номер один Соединенных Штатов Америки сразу лишало евразийство смысла. Америка никогда не была духовным оппонентом России, как Европа, не претендовала как духовный авторитет на власть в Азии, а сразу пришла в азиатский регион как военная держава. Это был уже не разговор двух цивилизаций, а нечто другое. Именно международный и глобальный военный характер выдвинутого противостояния заставляет неоевразийцев и расширить, и видоизменить политическое лицо евразийства. В нем почти первостепенную роль (во всяком случае, очень важную) начинают играть религиозные силы. Пантюркизм, закамуфлированный в евразийство, отводится в сторону, а на первое место ставится ислам или же, в облегченном варианте, *дипломатические силы* традиционных религий России, причем с другой иерархией, нежели в обычной жизни. На первое место ставится ислам, потом идет православие, ламаизм, и замыкает строй иудаизм. Последний был представлен российским иудаизмом (во главе с А. Шаевичем), а «американский» (возглавляемый Б. Лазаром) на учредительный съезд ОПОД «Евразия» не позвали. Создается структура, похожая на ту, что имела место при Н. С. Хрущеве, когда Церковь по приглашению государства играла роль специального диппредставителя, выполняющего важную работу по созданию благоприятной атмосферы доверия к государству. У неоевразийцев заметен тот же ход, внутренний экуменизм дол-

жен выполнять важную международную задачу – *нести правду* и знание о евразийстве за рубеж, задача чисто рекламная. Но о какой правде идет речь? О новой правде нового евразийства, без ограничений и границ. В новом евразийстве все силы евразийского пространства равны, все имеют право на равное участие, всех касается ответственность уже не только за Россию, но и за всю планету Землю.

В многотомном труде «Ноомахия: войны ума» три последних тома названы «Русский Логос» и посвящены России. Как пишет автор, здесь подводится итог всему изданию, всей тематике. Налицо жесткая логически выстроенная историософия русского народа и русской цивилизации. Здесь Дугин в полной мере разворачивает свой постмодернистский миф о русских как народе, способном вместить в себя евразийское целое. Для автора русские – это не этнос с его определенной этнографией, единством этнического сознания и прочее. Это социум, отличный и от гражданского общества «россиян», и от узкоэтнического – «русских». В нем нет и того, что Л. Гумилев называл суперэтническим уровнем: слияния в одно целое славянства, тюркизма, монгольства, финно-угорства. Для Дугина русские – это «социально-историческая идентичность» (Дугин 2012), это именно незакрытая еще, а формирующаяся общность. Дугин как творец неоевразийского мифа весьма свободно обращается с русской тематикой, историей, этносом. Ранний славянский этногенез он рассматривает только со ссылкой на Б. А. Рыбакова, хотя у этой темы немало и других не менее авторитетных авторов. Вольному обращению помогает и заранее выстроенная концепция: славяне с самого начала – это народ несамостоятельный, без искомого этнического ядра, без «головы» – собственной аристократии, поскольку на всех этапах славянской истории она у славян была заимствованной. Славяне, по мысли Дугина, не являются индоевропейцами, это наследники земледельческой трипольской культуры, с которой смешались пришедшие завоеватели туранцы-индоевропейцы. Отсюда Дугин выводит главное: в своей корневой основе славяне были носителями Логоса Кибелы, мифической праматери, отсюда их народная суть – это крестьянство, земледелие без воинского дела, без военного сословия. Появившись со стороны, воины-аристократы принесли в славянскую среду Логос Аполлона (Дугин 2019а: 35). Индоевропейцы дали славянам язык и трехфункциональное мировоззрение. Такое сориентирование с мира по нитке будет и дальше присутствовать в драматичной славянской истории. При этом славяне-кре-

стяне стирали из памяти все заимствованное, например, индоевропейскую «память о Великой степи», а сохраняли в целостности свое архаичное, земледельческое, почитание праматери, даже индоевропейскую трехфункциональность они сумели перекодировать под эту ипостась. Отсюда, важнейший архетип у русских – архетип вампира! В период монгольского завоевания русские глубоко погружаются в кочевническую структуру Турана, что позволило сделать следующий важный шаг в этногенезе – образовался великорусский народ, с чего началась «полноценная евразийская история русских» (Дугин 2019а: 56). Но до этого восточные славяне получили от германской, норманской военной аристократии прививку к государственности и саму государственность, где аристократия была не славянской. Часть славян получила прививку государственности от хазарской знати (Дугин 2019а: 95). Потом было крещение Руси, с прививкой от Византии и получением духовной аристократии оттуда же. При этом крестьянская цивилизация Деметры (аналог Кибелы) все равно победила и норманский, и греческий аристократизм: и православная вера стала двоеверной, и государство особенным. В этом контексте, представляя народ пекущимся о своей идентичности вопреки внешним благим факторам, Дугин объясняет все коллизии российской истории, включая даже революцию 1917 г., когда народ добился свержения царской власти, мешавшей его этногенезу. Рухнул и СССР под этим же напором. На каком-то этапе русской истории Логос Кибелы начинает уравновешивать «спустившийся с неба» Логос Диониса, который отвечает за борьбу с навью, вампирями, царством неупокоенных мертвцев (Дугин 2019а: 105). При этом «на самом глубинном уровне русский народ также относится к цивилизации Нави», иными словами, к цивилизации «смерти», «темной стороне бытия» (Дугин 2019а: 132–133). «Смерть живет внутри русского человека... он сам и есть Смерть» (Дугин 2019а: 317). А в центре ее – Святая Русь! Читатель, не привыкший к таким парадоксам, конечно, будет удивлен и этим поворотом мысли, и другими откровениями автора, например, что «субъект русской воли – ветер».

Русские женщины в этом контексте виделись христианством ведьмами (!) и погаными (Дугин 2019а: 159). Дугин так выстраивает таксономическую цепочку русского женского начала: «Навь–Великая Мать–Баба–Яга–русалка–ведьма–русская женщина» (Дугин 2019а: 161). Но кто она, русская женщина? «Маринка-безбожница», «Авдотья Лиходеевна»... Потом автор включит сюда Лилит, Вавилонскую Блудницу, падший

дух (?), Софию Примудрость Божию (хотя это, по христианской доктрине, образ Христа-Логоса), Богородицу, монахиню и т.д. В общем, пестрое, абсурдное и неутешительное для любой группы соседство. И самое главное, здесь нет ни начала ни концов, все соединено в одно целое. Всё по Ахматовой: «О если б знали из какого сора...». Но и мужской, русский *dasein* не лучше: «Дурак–Змей–Кощей Бессмертный–вампиры–Микула Селянинович...». Аграрный мужской календарь («мужские гештальты») автор представил все же отдельно и без нечисти. Объединяет мужское и женское Ночь. «И, хотя сам русский народ воплощает в себе именно Сумерки, в тайной своей глубине он скрывает Ночь» (Дугин 2019а: 286). И фундаментальный вывод автора: «Совокупно они (былинные и сказочные персонажи, по Дугину, “вся Навь”. – О. К.) составляют важнейший модуль русского сознания, который в значительной мере характеризует мировоззрение русского народа (прежде всего русского крестьянства, являющегося главным сословием и ядром русских) и аффектирует русскую культуру и русский историал в разных формах и различных фазах и идеологических контекстах» (Дугин 2019а: 194).

Другой евразиец, защитник русских начал, писатель А. А. Проханов в юбилейной статье, посвященной Дугину, называет его «единственным в России идеологом» и по-дружески спрашивает: «Какую идеологему вы готовы вприснуть в наше русское, восприимчивое к вашим идеям тело?». И Дугин, не возражая по первому пункту, откровенно отвечает: «Мы вместе с Вами демиурги. Мы меняем ход истории в том направлении, в котором считаем нужным, и ничто не сравнится с этим вкусом» (Проханов, Дугин 2017).

Итак, хотя наши боги берутся творить историю, они явно забывают, что до них в области русской истории работали и работают не только Б. А. Рыбаков и Г. В. Вернадский, но сотни других историков и тема начальной истории разобрана довольно тщательно и подробно. Но Дугин этого совсем не учитывает. Метод его работы таков: он использует конспект прописной истории из учебника, где надо, «округляет события» в свою пользу и на наиболее важные моменты накладывает сетку своих философских понятий. Так создается «оригинальный» текст Ноомахии. Автор при этом очевидным образом нарушает законы жанра: он как философ вторгается на чужую, историческую, территорию, хозяйствует на ней как хочет и создает нечто похоже на «Розу мира» Даниила Андреева. Там такой же разгул хтонических «ло-

госов», названных лишь по-другому, но сюжетная и смысловая канва та же. У Дугина мифология отличается еще большей изощренностью, потому ему надо объяснить какие-то нужные вещи просто «из воздуха», из ничего, как и подобает «творцу». Поражает и обилие парадоксальных умозаключений, появляющихся ниоткуда. Вдруг главным признаком территории – государственного пространства – объявляются налоговые отношения (Дугин 2019а: 290). Куда-то деваются привычные «Отечество», «Родина», а государственное пространство, превращенное в «налоговое пространство», начинает объяснять само за себя специфику России, с ее крепостным правом, колхозами и т.д. Трудно перечислить весь объем новых больших и малых концепций, появляющихся ниоткуда и необходимых для того, чтобы Логосы не выглядели абстрактными схемами. Скажем, одна такая концепция появляется, когда автор переходит к ереси «жидовствующих» и начинает анализировать взгляды дьяка Федора Курицына, одного из главных фигурантов дела о еретиках. Ничтоже сумняшееся Дугин начинает говорить, что у русских еретиков была своя еретическая программа, а точнее, свои «возрожденческие» идеи, которые сводились к отказу от византийского монархизма в пользу европейского просвещенного абсолютизма. К этому выводу Дугина привел анализ работы Курицына «Сказание о Дракуле». Хотя никакой аналитики читатель не получает, выводы делаются глобальные: оказывается, с этого времени российская монархия получает вкус к двоемыслию – цари начинают мыслить себя и по-византийски, и по-европейски. Причем второе и оказывается «комплексом Дракулы» – тиранство и вампиризм. Особенно ярко это проявилось у Ивана Грозного и Петра Великого (Дугин 2019а: 341–347). Заметим со своей стороны, что такой компетентный автор, как В. Е. Вальденберг, подробно освещавший вопрос о пределах царской власти (как и многие другие авторы), и намеком не упоминает о подобном явлении. (Вальденберг 2006 [1916]: 154–223).

Как ни странно, но золотоордынский период Дугин проходит спокойно, уравновешенно, словно он и не евразиец, и лишь в выводах к этой эпохе звучат привычные слова о преемственности власти Московского царства от Золотой Орды. Но здесь они повисают в воздухе после признания всех тягот иги и исторической роли Куликовской битвы.

Получается, как евразиец, Дугин не является продолжателем ни одной из исторических линий, намеченных первыми евразийцами (ни зарубежными, ни Л. Гумилевым), ему интересны свои кол-

лизии в русской истории, и он создает свою драматургию. Духовный пафос дугинской «русской истории» состоит не в вызовах и ответах на них, а в пассивном принятии «россиянами» течения событий, «каковы они есть». Пришли завоеватели, и славяне – не раз, и не два, а всегда – принимают их как господ, делают вождями, властителями и живут, пока политический организм сам не изживет себя. Так славяне постепенно они становятся русскими, потом великорусами. Их базовый Логос Кибелы, хотя и не вырывается наружу и очевидным образом не влияет на русскую жизнь в ее исторический период, но все же это ее фундамент и на нем все стоит (Дугин 2020: 757). Отсюда выводы, что понятия «Ночь», «смерть», «сумерки» – это базовые характеристики народа. Конечно, автору приходится задним числом утешать читателя словами о величии народа, об особом пути и призвании, но, как пишет он сам в конце второго тома, русское общество стоит на границе, за которой уже нет ни русского, ни человеческого (Дугин 2019б: 936).

Истоки философии А. Г. Дугина следует искать в среде близких ему постмодернистов: писателей, музыкантов и философов, у которых он прошел начальную школу воспитания в духе «ноомахии». Это Ю. Мамлеев, Е. Головин и Г. Джемаль, т.н. «Южинский кружок», где автор воспринял не только мысль, но и погрузился в атмосферу постмодерна. Дугин признается, что его учителя и сам он жили в рамках Логоса Кибелы, т.е. в полном мраке, но абстрагируясь от него, умели его описывать и объяснять. В этом и было их революционное значение. А для России оно состояло в том, что они взрывали советские смыслы, как Ницше и Хайдеггер взрывали западные, буржуазные, как взрывали советскую фальшь инфернальные герои книги Булгакова «Мастер и Маргарита». И поэтому огромное внимание в трехтомнике «Ноомахия. Русский Логос» уделено сектам, ересям, отклонениям, мутациям, всему тому, что должно подтвердить мысль, что в России только такой способ коллизии позволял обществу, народу, государству двигаться дальше. Опираясь на учение Вл. Соловьева о Софии и даже считая, что это единственный инструмент понимания русской традиции и истории, Дугин пытается объять необъятное: объяснить софийностью (им по-своему интерпретируемой) все парадоксы, противоречия, всю гиперболичность русской истории. Но, заметим, в том контексте, в каком автор ее себе представляет. Эту парадоксальную и страшную историю действительно не объять уже пассионарностью Л. Гумилева, ей мало уже евразийского пространства, она хочет быть «владычицей морскою». Таков, на

наш взгляд, фрейдовский метод работы евразийца А. Г. Дугина, где история пишется не сознанием, а подсознанием, но не ясной мыслью, евразийца уже только по названию, узурпатора евразийства. Но к этому итогу евразийство стремилось с самого начала: узурпировать русскую историю, захватить русский народ и дать ему понять, кто он такой на самом деле. Поэтому появление Дугина в третьем акте драмы по имени «евразийство» было вполне закономерным. Но драма еще не закончена.

Возвращаясь к политическим реалиям, связанным с дугинской партией «Евразия», заметим, что впервые создавалась национальная партия глобалистского типа (вроде коммунистической), но с другим акцентом, не социальным, а национальным. Большевики побоялись взять на себя миссию национального преобразования страны на основе евразийства, хотя и осознавали, что национальный вопрос в России не менее важен, чем социальный. К тому же коммунистическая партия в перспективе была за отмирание национальностей (этничности), думая, что это случится когда-нибудь само собой на пути к коммунизму, когда советское начало постепенно подавит национальное или преобразует его. Но закат советской эпохи и начало постсоветской сразу были обозначены обострением национальных отношений. Национальный вопрос вдруг заявил о себе повсюду. Только этим можно объяснить появление неоевразийства как политического течения, которое выказало готовность решать национальные вопросы, не решенные советской властью. Левизна, радикализм объединили тогда линию Дугина и линию писателя Проханова, два разных течения, но близких своим неприятием буржуазного либерализма. А. А. Проханов был главным редактором газеты «День», где в 1990 г. также печатались статьи по неоевразийству, в том числе дугинские, а после закрытия газеты в 1993 г. возглавил новое издание «Завтра», существующее и по сей день и ставшее уже частью медиахолдинга, включающего в себя литературное приложение, большой издательский книжный фонд, телеканал, интернет-сайт. В рамках евразийской программы Прохановым создан «Изборский клуб» – дискуссионная площадка для «государственников»: чиновников, бизнесменов, ученых, писателей, журналистов. На канале «Россия» не раз появлялись документальные фильмы, сделанные Прохановым, посвященные советскому периоду, России как «Красной империи», горячим точкам послевоенного времени. Прохановские передовицы в газете в духе А. С. Суворина и М. Н. Каткова ярки, злободневны, умны, образны, совмещают в себе политическую остроту, консервативность и умение, не заде-

вая власть, поставить проблему остро. И здесь евразийство писателя и журналиста Проханова представлено в самом непосредственном виде. Оно аутентично факту, конкретной зарисовке, одной поездке, одному событию, но при этом пассионарная напряженность заставляет читателя видеть за строчками нечто большее и общее. В этом специфика автора. Проханов словно продолжает линию старых евразийцев, линию собраний, споров, конференций, где нет еще ничего глобального, программного, партийного (хотя там это и началось), но задачи евразийства упираются в один вопрос: как сохранить внутренний национальный мир в России. И в этом случае мы действительно должны считать деятельность евразийца Проханова практической, напоминающей работу конфликтологов, занимающихся мониторингом межэтнических конфликтов, дающих рекомендации по их предотвращению, но и лично участвующих в их погашении. Практическая программа евразийца А. А. Проханова отличается от дугинской. Здесь за основу берется понятие не «Евразия», а государство Российское и его народ в гражданском понимании. Собственно, у Проханова два плана: близкий к идеальному и реальный, наущный. Идеальный подразумевает государство-империю, пятую по счету, а народ – единый российский народ, спаянный в одно целое не союзными отношениями, и даже не дружбой, а чем-то большим, единой судьбой, слиянием до невозможности разделить (Проханов 2020). Второй план обыденный, повседневный: государство, которое мало-мальски борется за возвращение к империи, утерянной в начале 1990-х годов, и большая часть народа русского, которая его поддерживает. Здесь народ представлен этносом, поэтому кроме русского, упоминаются в конкретном контексте и другие народы России: «осетины и ингуши, татары и ненцы, русские и калмыки». Проханов, хотя и следует своему евразийскому курсу, взяв государство и народ за основу движения, но не забывает и дугинской идеологии; периодически в тексте обозначается «вся полнота» народов. Но с полнотой не все так просто, поскольку не все народы в нее входят; допустим, из-за того, что евреи разделены на сионистскую (анти-российскую) и пророссийскую части, только одна часть входит в полноту. Не принимается сионистская часть, поскольку, где бы они не жили: в России, в Израиле, в США или других местах, – они занимают радикально националистическую позицию (думают только о своих интересах, нередко в ущерб другим) и тем самым нарушают согласие Большого евразийского мира (Проханов 2015а). В этом смысле, не только США враг для евразийца Проханова (как представителя России), но и их

первый союзник Израиль (Проханов 2014а). Другие же евреи, живущие в русле евразийства, приветствуются автором как часть общей силы и общего евразийского дела. «Все мы равны. Молимся ли мы Иисусу Христу, Иегове или Аллаху, все мы – россияне» (Проханов 2015б). И в историческом контексте эта позиция озвучивается им так: «В этой империи жили и взаимодействовали славяне и угро-финны, варяги и хазары, греки и кочевники Великой степи». Или: «Культура Новороссии – это Гомер и Лев Гумилев, Бабель и Пушкин, Скворода и Вернадский» (Проханов 2014б). Проханов переносит понятие «Евразия» на все пространство Европы и Азии. Поэтому за рубежом ему близки страны и народы, которые противостоят израильской экспансии: Иран, Сирия, Палестина. Но к антисионистской, контридеологической позиции все не сводится; есть еще союзная линия с исламским миром, в первую очередь с российским, и симпатизирующая позиция в отношении бывших стран социализма, оставшихся в одиночестве: КНДР, Куба, Венесуэла. Особое отношение к Китаю, хотя и товарищеское, но заметно настороженное. Прохановское евразийство по-дугински geopolитическое, международное, но все же имеющее свою специфику, оно россиецентрично. Международное внимание лично Проханова и газеты «Завтра» находится в фокусе российских интересов; все и всё – политики, бизнесмены, Церковь, религия, простые люди, заводы, учебные заведения, города и села, даже природа – должны служить России, ее интересам, ее славе и процветанию. И те, кто служит ее интересам, даже косвенно, за границей, заслуживают самых высоких похвал от автора. Вектор евразийского внимания Проханова разнообразен, неодинаков: одна идея-канва по отношению к Кубе и Северной Корее, другая – по отношению к Ирану. Говоря о Корее и с корейцами, Проханов становится на самую архаичную точку зрения, он принимает миф о вожде как подлинную реальность и николько не сдерживает себя в образах и оценках, словно кроме Северной Кореи в мире никого не существует. Его космизм находит здесь максимальный отклик. В Корее «каждый член сообщества рассматривается как потенциал неограниченных возможностей, неограниченных сил». И человек, в соответствии с идеологией чучхэ, добровольно отправляет эту энергию в центр сообщества, где находится вождь, тот преображает эту энергию и возвращает ее народу во сто крат большую, усиленную. Это космические люди, считает Проханов, их ДНК «будет положена в основу грядущего планетарного сообщества» (Проханов 2017). Писатель сравнивает идеи чучхэ со всеми мировыми религиями: право-

славным христианством, католицизмом, исламом, иудаизмом, и говорит, что все проигрывают корейской идеологии: «все они – региональные, они не охватывают все человечество в целом, все они несут на себе печать отдельно взятой цивилизации или религиозной культуры. А учение чучхэ свободно от этого». С гораздо меньшим пафосом и не такой архаичной мифологизацией читателю представляется Иран и культурные и духовные ценности этой традиции. Здесь превозносятся добродетель «справедливости», культурные древности, времена огнепоклонников, античность, культура мысли, политической дипломатии, миссия быть центром исламской революции для всего арабского Востока. Другой активный мусульманский, но арабский центр – Палестина, хотя и не является образцом государственной политической культуры распространения идей «справедливости» через экспорт исламских революций, но здесь находится ядро физического и духовного противодействия израильскому сионизму. Проханов рассматривает эту проблему сквозь «библейские очки» и потому говорит о сионизме как о явлении, существовавшем уже в ветхозаветное время, когда древние евреи шли завоевывать землю Ханаанскую. Он считает (вне церковной традиции!), что уже тогда сложился этот фронт борьбы автохтонов и пришельцев (Проханов 2012). Отсюда символические жесты побратимства у «Изборского клуба», представляющего Россию, с землей и народом Газы: обмен капсулами с землей. В Газу привозится земля из Московского Кремля, а земля, взятая из Газы, увозится в Москву. «Русская жертва» и «Великая Русская победа» неразрывно соединяются с «идеей Газы – идеей вселенской справедливости и блага». Из зарубежных мусульманских стран также особое внимание Проханова получает Азербайджан, в отличие от христианской Армении (!). Здесь и «древо жизни», и наведение «порядка и справедливости», победа над хаосом 1990-х годов, благосклонное, даже доброжелательное отношение к русским, русскому языку и русской культуре. Из российских мусульманских регионов Проханов выделяет Чечню, не раз поднимая в газете тему миротворчества ее лидеров Ахмата Кадырова и нынешнего главы республики Рамзана Кадырова. У мусульман России, как и всех верующих России, любящих ее, общая миссия – держать на плечах свод российской империи, и в этом смысле Чечня, считает Проханов, является образцом для других мусульманских регионов страны. Важно отметить, что в газете нет ни одного репортажа из Татарстана, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Дагестана, нигде более нет такого примера, как в Чечне.

Итак, суммируем круг идей евразийства А. А. Проханова. В целом, он в русле общих подходов неоевразийства А. Г. Дугина: вместо пантюркизма здесь главенствует религиозный фактор, почти первенствующая роль ислама. У Проханова – в меньшей степени, у Дугина – преимущественно. У обоих проблема евразийства выносится на geopolитический уровень. Но раскладка сил врагов и союзников у Проханова и Дугина неодинаковая. Проханов вместе с главным врагом США, выделяет и их ближайшего союзника на Востоке – Израиль с его идеологией сионизма. Соответственно этому выстраивается и линия симпатий и предпочтений. Но вне этого Азербайджан, страна симпатичная Проханову по другим критериям. Другими критериями оцениваются и Северная Корея, Куба, Венесуэла. Здесь включаются уже не евразийство, а коммунистические взгляды автора, хотя в молодости, как вспоминает Ю. Мамлеев, А. Проханов был антикоммунистом (Мамлеев 2015). Евразийцем он стал в начале 1990-х после знакомства с А. Дугиным и его трудами. Коммунистическое мировоззрение современного Проханова, его яркий, радикальный сталинизм не могут не влиять на евразийское мировоззрение автора, в силу чего оно не цельное, а сложносоставное и компилиятивное. По отношению к Северной Корее и Кубе оно одно: здесь налицо черты советской, определенные идеологические предпочтения, любовь к вождизму, господству утопии. В советском мире – «родина» Проханова, его дом. По отношению к Ирану, Палестине и даже Азербайджану – он евразиец-функционер, он на переднем крае борьбы за честную, справедливую Евразию. Как сторонник империи и единого имперского народа Проханов не един, его имперская деятельность – это только борьба. Большую часть этой борьбы нужно вести внутри самой России, где укоренились силы проамериканского и просионистского либерализма, которые мешают стране нормально работать. В прохановских передовицах газеты «Завтра» много говорится о консолидации русского народа, о его культуре, традициях, и в этом контексте газета выступает как просветительская трибуна для весьма широкой, многомиллионной аудитории. Отсюда ее огромный тираж и общероссийское распространение в печатном виде. Несомненно, это явление, заслуживающее сегодня внимания аналитиков, да и государства, которое, надо сказать, внимательно к этой трибуне журналистской мысли. Поэтому Проханову и его начинаниям и дается определенный коридор льготного передвижения внутри политического пространства России и за ее пределами (в том числе возможности встреч с чиновниками высокого ранга).

Подведем некоторые итоги как евразийству, так и неоевразийству в современной России. Евразийство не случайно появилось за границей и сразу после революции 1917 г. как следствие ее первых законов, деятельности правительства, как опыт Гражданской войны и в целом как очевидный факт того, что социальная революция на глазах стала превращаться в национальную. Евразийство – это антипод большевизму, национальному выражению марксизма. В этом смысле большевизму не надо было становиться национал-большевизмом, потому что большевизм уже был таковым. Акцент в сторону русской или иной идентичности большевизма менялся, и только в этом заметна трансформация понятия. Евразийство – это боязнь того, что национальный фактор в большевизме приобретет измерение, которое может быть не полезно России. Евразийцы стали отталкиваться не от имперского – русского – начала, а от тюркского, не доминирующего в империи и потому не замеченного в особых симпатиях к ней. Евразийцы готовы были во всем соглашаться с большевиками, потому что те сделали главное, они сделали национальный вопрос первенствующим. Все остальное было не столь важно, даже то, что в своем социализме (социальной программе) большевики были европоцентричны. Но это было поправимо в исторической перспективе. Из этой компетенции выросли все евразийские тексты, планы и цели. Главное – представлять Россию не как социальный, а как национальный организм, адекватный территории его расселения.

С самого начала в евразийской идеологии (таковой она стала очень рано) появился некий эсхатологический аспект: движение к дальнейшей цели, соединение народа и территории в нечто единое, нерушимое. Отсюда слова Л. Н. Гумилева, сказанные не без пророческого пафоса: «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только через евразийство» (Лавров и др. 2013: 49). Словом, проект заключался в создании феномена «народа-территории», поскольку все условия, все ингредиенты в России для этого были. Евразийский проект, как и большевистский, направленный на строительство бесклассового, безэтнического, коммунистического общества, был таким же футуристическим, спроектированным на далекое будущее, опирающимся на народ как на целый монолит. Очень много общего! Хотя и разница существенна.

В статье мы показали, что евразийцы пошли путем научным, хотя цели имели политические, но именно на научном поприще они столкнулись с

непреодолимыми препятствиями. Им требовалась новая фундаментальная проработка всей русской истории, чтобы радикальным образом поменять вектор ее развития. Одно дело научно-популярные очерки князя Н. С. Трубецкого, другое дело тщательная проработка каждого исторического периода. То, что делали несколько столетий русские историки, евразийцы должны были выполнить заново. Русское зарубежье взялось за эту задачу, но не сумело ее решить, по объективным причинам. Отсюда задача, чтобы эстафета замысла перешла в советскую Россию, когда это станет возможным. Это тоже указывает на факт идейной близости большевизма и евразийства. Неподъемную ношу взвалил на себя Л. Н. Гумилев (а он от марксизма не отказывался), но сумел выполнить только часть задачи. Между тем как идейный багаж евразийства все время растекался, границы «идей» становились все менее четкими и определенными, ядро учения до поры сохранялось. Интересен момент формирования неоевразийства и появления фигуры А. Г. Дугина. Как считают люди близкие Л. Н. Гумилеву, здесь произошел своего рода казус, узурпация, то, что называется самозванчеством (Лавров и др. 2013: 60). Может быть, поэтому и само неоевразийство стало фактически новым учением. С приходом Дугина на пост «лидера Международного Евразийского Движения» полностью сменился евразийский код, от смыслового ядра практически ничего не осталось, сохранилось только имя и условная привязка к исходной точке. Но «евразийство» Дугину необходимо, поскольку оно легализует его собственное детище. В дугинском проекте продолжается линия на научный фундаментализм, но делается это изощренно, масштабно и, как нам представляется, научно не качественно. Изощренность научного подхода автора состоит в глобальности его цели. Отсюда и «враг» поменялся (вместо Европы Америка) и религия стала первенствовать, а не происхождение («степная кровь», пантюркизм); и число союзников русского народа расширилось. Само содержание понятия «русский народ» при этом упростилось до минимума: это уже не этническая, а социальная общность. С выходом многотомного издания «Ноомахии», где почти каждый том – это отдельный Логос, отдельная цивилизация, евразийский проект, по мысли Дугина, выходит на стадию взлета подлинного глобализма. У автора (и, он надеется, у читателя) есть общее понимание существования всех земных тектонических плит, означающих ту или иную цивилизацию. Автор издания как бы запирает народы в их территориальное целое, рисует общую картину их этногенеза: «народов-территорий», где наход-

ится место и русской цивилизации. Автор словно говорит: «Все готово к тому, чтобы использовать этот материал для политических целей», «творение завершено, пора выпускать его в мир». Такова динамика евразийства, задачей которого для современной национальной России является полная замена большевизма как идеологии, на новую идеологию – евразийство. Большевизм, однако, пока не хочет уступать первенства евразийству, он крепко держится за национальную сферу, которая на сегодня осталась единственной территорией, которая позволяет ему оставаться «у власти». Не в буквальном смысле, конечно, а по сути, как созданная и неразрушенная система приоритетов. И евразийству (в лице Дугина) пришлось опуститься на самое дно идейного процесса, в самые глубины постмодернизма и только там найти соперника в лице большевизма и только там начать разыгрывать с ним шахматную партию на равных. Нам думается, что сейчас неоевразийство побеждает большевизм, время за ним, но само евразийство, если даже оно добьется признанной победы и увековечит себя на пьедестале новой идеологии, останется все же продуктом самого развитого постмодерна, продуктом распада, деструкции, обмана народа. Вместе с евразийством в его идейное пространство вливается культура андеграунда, культура подполья, представленная творчеством А. Г. Дугина. При этом возникает большой вопрос: сольются ли со временем два постмодернистских потока – дугинский и прохановский – в одно целое? И как они будут взаимодействовать с гумилевским наследием? Сейчас все они разделены, и даже непонятно, что их объединяет: Проханов – ярый сталинист и ленинец; Дугин – категорический противник этих вождей; Проханов за Иоанна Грозного, Дугин – против; Проханов за империю, за заводы, производство, сильную армию, Дугин – вообще непонятно за что в этой сфере. Объединяет их только левая идея, антилиберализм и погруженность в постмодерн. Правда, дугинская левизна европейского (французского) толка, отсюда и вытекает его антиамериканизм, дугинская левизна интеллектуальная, профессорская, а не пролетарская, как у Проханова. То есть единение их чисто условное, но пока они идут почти в одной упряжке, нога в ногу и к одной цели. И это чудеса, на которые способен только постмодерн! Всё это в целом заставляет нас предположить, что два этих потока обязательно сольются, как только наступит удобный момент.

Нельзя не учитывать и того, что и евразийство Л. Н. Гумилева также живет сегодня самостоятельной жизнью. Как ни пытается А. Г. Дугин пред-

ставить в своих работах гумилевское наследие упакованным в архивные ящики и годным только для историографии и тем самым отодвинуть его от прямого участия в современной евразийской жизни, у него ничего не получается. Гумилев ему не подвластен; он живет сегодня автономно, самостоятельно и занимает свою, отдельную нишу в евразийском проекте. В современном его контексте. И раскладка сил здесь, как это и принято у евразийцев, имеет территориальный характер. Гумилев отстаивает евразийство как идею «Великой степи», как пантюркизм, подчиненный произволу природных космических сил. Но у пантюркизма человеческое лицо, потому что его нравственный кодекс безупречен, с точки зрения воина, пекущегося о военной доблести и славе. Гумилевский евразийский проект китаецентричен, поскольку там находится главный враг Великой степи, цивилизация с прямо противоположной системой ценностей. То есть в этом проекте борются две цивилизации, как две нравственные системы, и задача этого проекта близка народу. Идеалы справедливости, смелости, чести, удальства – все это народные атрибуции. В общем-то, это своего рода утопический проект, чем-то напоминающий построение бесклассового справедливого общества на Земле. Заметим, что построение это сопровождалось, как и завоевания Чингисхана, кровавыми войнами и принуждением.

Другая природа у неоевразийства. Здесь первенствует религия, отсюда и господство реализма, и эсхатологические мотивы, которые периодически проскальзывают у его адептов. Далее мы видим, как разнообразен этот проект: есть глобалистский вариант Дугина, где евразийство – это подлинная, умная элита мира; не финансисты, не политики и связанные с ними представители шоу-бизнеса. Это элита всемирная, «с мира по нитке – голому рубашка», но в России таких людей не так много. Элита у Дугина имеет гораздо большее значение, чем народ, ведь история – это войны ума, а уже потом армий и народных сил. Из евразийства у Дугина остается только территория России, священная не историей (освоением, войнами, подвигами святых и т.д.), а своей расположенностю в центре мира, в силу чего здесь и происходят глобальные и самые важные события. Другим неоевразийским проектом является прохановский проект «пятой империи», идущей на смену «красной». Он, соответственно, имеет национальную природу: речь идет о России, о ее многонациональном, многоконфессиональном народе. Удивляет у Дугина и Проханова одно: при доминанте религиозности в их евразийских проектах, они словно и не имеют

никакой религиозной цели впереди. У Проханова неопределенного рода космизм К. Э. Циолковского, помноженный на сектантские идеи федоровского воскресения мертвых путем коллективной воли, плюс обычный советский утопизм; у Дугина такое же отсутствие четких религиозных перспектив. А дело в том, что опора на религию в ее поликонфессиональном виде не позволяет ни тому ни другому видеть границы и перспективы пути, в связи с чем участие религий в их проекте ограничивается, скорее, тактическими задачами. Размытость стратегического целеполагания у главных сегодня российских неоевразийцев порождает ситуацию некоей аморфности самой идеи, что выгодно и для государственных политологов, и для мыслителей из общественной среды. Общественная среда в этом случае может выступать как генератор идей и даже идеологии (что и происходит с евразийством), что было бы невозможно, если бы государство не нуждалось в этом и не испытывало потребность черпать из общественной гущи важные идеинные положения. Евразийство, удаляясь от своих творцов-основателей и продолжателей в научную, журналистскую и даже художественную среду, приобретает черты некоего идеального учения. В нем нет уже острых углов ни Гумилева, ни князя Голицына, ни даже Дугина и Проханова; напротив, здесь царят мир, любовь и согласие. Например, мы обращаемся к статье академика М. Л. Титаренко, прямо относящейся к нашей теме, и видим, что евразийство у автора продуцирует только мир и гармонию народам, но при этом автор забывает подчеркнуть, что гармония и мир идут от цивилизационного общероссийского духовного стержня – православия, а говорит о другом: «Евразийский принцип взаимоотношения культур строится на гармоничности их взаимодействия. В этом плане евразийство совпадает с конфуцианским подходом к культурному развитию, провозглашающим “гармонию без навязывания единства”» (Титаренко 2015а: 264). Сторонникам светской этики, кем в большинстве своем и являются ученые, ближе, конечно, гумилевский подход в евразийском учении, хотя не все понимают, что эта концепция ориентируется на Китай как на центр Евразии. Идеи Дугина и Проханова также не россиецентричны, поскольку сегодня на юге, за пределами России, начинает разворачиваться подлинная эсхатологическая драма классического евразийства, с господством Турана, антиевропеизмом и эсхатологическими интенциями.

И тон здесь задает Турция. Может быть, поэтому и для российского ислама, как и для части зарубежного, так привлекательно выглядит идея,

высказанная турецким лидером Р. Эрдоганом о Турции как подлинно евразийской империи. И в этой концепции имеется не только национально-этническая доминанта – туранизм, как призыв ко всем тюркам объединяться, но имеются и очень важные глобальные задачи, самая главная из которых отстаивание Иерусалима как священной для мусульман территории от посягательства ортодоксальных иудеев, поддерживаемых правительством Израиля. Точнее, части Иерусалима, Храмовой горы, где находится мечеть Куббат ас-Сахра, стоящая на месте ветхозаветного храма Соломона. Неожиданный для многих разворот Эрдогана в сторону Иерусалима может быть понят только в свете евразийской концепции. Недавнее признание Иерусалима столицей Израиля со стороны США сразу же поставило под удар само существование в перспективе этой мусульманской святыни, входящей в число двух самых великих святынь ислама. Однако, это почему-то не задело глубоко Иран, главного врага Израиля в регионе, а задело Турцию, и она неожиданно для всех бросила перчатку Израилю. Главное для Турции (хотя открыто пока и не проговариваемое) – защита священной площади мусульман Харам аш-Шариф и мечети Куббат ас-Сахры, находящейся на ней. Только об этом идет речь. Здесь, по исламскому вероучению, будет проходить Суд Божий и сюда перенесутся все мусульманские храмы, включая и самый великий храм в Каабе (Шукров 2002: 261, 267). Поэтому речь идет не больше и не меньше, как о «подготовке храмового пространства площади к Судному дню». Р. Эрдоган словно говорит от лица мусульманского мира, что не только иудеи полны эсхатологических ожиданий, но и мусульманам эти ожидания не чужды. Более того, первые не могут осуществляться ценой разрушения ожиданий мусульманских. Ведь если на Храмовой горе будет восстановлен храм Соломона, то мечеть Куббат ас-Сахры будет разрушена, и тогда все, что касается сабирания всего храмового пространства в Судный день вокруг этой святыни, будет под вопросом. И противоречие это никакими дипломатическими переговорами не разрешить, здесь возможна только война до победного конца. Так стоит сейчас вопрос о евразийстве в его эсхатологическом контексте.

И в свете этих эсхатологических событий по-другому будет выглядеть и судьба тех российских мусульман, которые ориентируются на Турцию (прежде всего, крымские и казанские татары, чеченцы). Они уже сегодня потенциально боевой «турецкий» отряд (в РФ около 20 млн. человек из числа тюркоязычных народов), который вступит в бой, как только «труба позовет». Соответственно,

Россия будет быстро и властно захвачена этими событиями, и ей тогда предстоит определиться, евразийская она держава или нет. Пояс евразийства сегодня протянулся на значительные расстояния, и ему не помеха политические границы государств Азии. Еще в 1990-е годы в Казахстане казахская власть определилась со своими «монгольскими» корнями; в кабинете у Н. Назарбаева был размещен портрет Чингисхана. Университет в Казахстане получил имя Л. Н. Гумилева. Такой же портрет был замечен у К. Илюмжинова в Калмыкии. В многих азиатских странах и регионах в последние десятилетия как знамение времени появились памятники Чингисхану, крупнейший из которых в Монголии. Что сегодня разделяет азиатский евразийский мир, так это разное понимание задач. Те, кто собирается вокруг «Чингисхана», не идут дальше степного родства по крови, их объединяет героическое прошлое, память о боевом степном братстве. И этот романтический контекст евразийства, как он не безобиден, с точки зрения geopolитической, тем не менее, также ждет своего часа «Х» и также центрирован вокруг одного политического центра – Китая. Нельзя сказать, что мусульмане (в том числе России), ориентированные на турецкий – турецкий – проект, лишены романтики и мифологии, определенные свидетельства позволяют говорить о давней популярности «иерусалимской» евразийской идеи⁵. Турция лишь подхватила эту идею и возглавила в недавнее время, в годы правления Р. Эрдогана. Но путь этот был для нее закономерен, ведь он был связан с приобщением страны к западному миру, отсчет которого идет с начала XIX в. Ряд авторитетных турецких историков считает, что само движение панисламизма можно рассматривать как вариант западной идеологии (Тюркер 2015б: 296). То есть благодаря западной «упаковке» турецкий панисламизм, тюркский национализм приобрел глобальную интенцию, важную не только для турок. Весь спектр нравственных тюркских степных добродетелей совместился с западными понятиями «родина» и «патриотизм» (Тюркер 2015б: 295), что позволило Турции, как нам думается, осторожно двигаться в сторону создания глобального проекта, который можно обозначить как «Спасение мусульманских святынь в Иерусалиме». Такая цель пока официально не озвучивается, но что-то ведь заставляет Турцию методично (и особенно интенсивно три последних десятилетия) собирать вокруг себя тюркский мир, не всегда при этом мусульманский, и начать конфронтацию с Израилем, так что последний даже вынужден был поменять приоритеты своего главного политического соперника на Ближнем Востоке.

Турки активнейшим образом вели себя все 1990-е годы на российском пространстве, действуя через многочисленные легальные культурные и образовательные центры. При правлении В. В. Путина их активность поубавилась, языковые и культурные центры были закрыты. Через какое-то время они возобновили свое присутствие в России, через предоставление стипендий тюркоязычным студентам (с 2000 по 2020 г. было передано 20 тыс. стипендий) (Грязнов 2020). Такие стипендии получали студенты и интеллигенция на Северном Кавказе, в Калмыкии; обучались в Турции и приезжали оттуда, проникнутые идеями пантюркизма (ПМА). В последнее время, как отмечает А. Грязнов, в Турции начата подготовка к созданию т.н. «Армии Турана», объединенных военных сил тюркоязычных стран. Заключены договоры о стратегическом партнерстве с Казахстаном, Узбекистаном, Туркменистаном. Прорабатывается идея создания на базе нескольких государств одной нации. «Одна нация – шесть государств» – такова последняя инициатива Р. Эрдогана (Тарасов 2019). За фасадом нации, разумеется, будет стоять не гражданская нация европейского типа, а своего рода Тюркский халифат, религиозно-политическое объединение. Не в этом ли ключе сегодня начинает действовать и Израиль, как отмечают некоторые аналитики (Друзь 2011), который постепенно начинает отказываться от приоритета сионизма, еврейской государственности, в пользу господства иудаизма как религиозности, которая позволит создать политическое пространство не сравнимо большее, чем оно есть сейчас. И в этом контексте, все активные, заинтересованные в фундаментальных переменах силы сегодня делают ставку на «территориальность» как функцию, позволяющую продвигать необходимые идеи за счет религиозной составляющей. Она единственная позволяет «лепить» из отдельных элементов одно неделимое целое. Такова и природа евразийства.

В свете всего сказанного о сложности современной евразийской модели можно сделать некоторые предварительные выводы. Ни одна из имеющихся сегодня евразийских моделей не включает Москву и Россию в целом в центр грядущих глобальных событий: ни «турецкая», ни «китайская» модель. Это все центры вне России. Это значит, что

евразийство как таковое не может быть признано Россией в качестве чего-то родного и органичного. Евразийство началось с эмиграции и заканчивается нероссийскими центрами. Как учение и теория, евразийство с самого начала умозрительная, навязанная интеллектуалами идея, отрицающая фундаментальные основы русской и российской истории и выводящая нашу страну в перспективе в борьбу за чуждые ей интересы, поскольку они будут касаться не Москвы, а других geopolитических центров. И «китайская» и «турецкая» модели опасны для нас каждая по-своему, у той и другой есть свои подводные камни, по отношению к которым у России есть свои уязвимые места. Но самая большая опасность нам видится сегодня даже не в централизованном подключении России к одному из этих проектов⁶, а в том, что «общественная идеология», которая сегодня распространяется через российских евразийцев (таких как Дугин и Проханов), активно проникает во власть, в политическую жизнь властных структур, отвечающих на национальную политику, и оттуда потом возвращается в виде некоей деятельности (внутренней национальной политики) и практики, которая идет вразрез не только с русской, но и в целом с российской традицией, разрушая изнутри национальный мир, сбираяшийся столетиями. В России есть своя цивилизационная идентичность, которая ее сформировала, сделала такой, какая она есть, и эта идентичность укоренена в православии, православной религиозности – вере и церковности. «Россию в ее современном многоэтничном, многоконфессиональном составе сформировало православие; дало ей и особый цивилизационный импульс не-экспансионистского толка; оно укрепило государственность и позволило приспособить под этот сложный мир централизованную государственную машину управления; оно сделало культуру очагом тепла для всех народов – дало язык общения и нравственный кодекс поведения, принятый всеми» (Кириченко 2020: 741). От этого только и должно было отталкиваться евразийство, но этого не случилось, отчего и само учение все дальше и дальше уклонялось от реальности и пришло в конце концов к «правде» турецкой и китайской, но только не российской и не русской, что и позволяет нам сделать вывод о неприемлемости этого учения для нашей страны в его нынешнем изводе.

Примечания

¹ У С. С. Аверинцева мы нашли фразу, подтверждающую наши предположения: «Когда-то евразийство зародилось как «мыслительное движение на опасной грани философствования и политики»» (Цит. по: Лавров С. Б. и др. 2013: 64–65).

² На эту фигуру обращает внимание и В. В. Кожинов, характеризуя движение евразийцев (См.: Кожинов В. В. 2011: 60).

³ «Русский ислам Гейдара Джамала». <https://uehlsh.livejournal.com>

⁴ Интересно отметить, что проект поддержал такой известный русский националист, как А. Севастьянов, а также мусульманский интеллектуал Г. Джамаль, в то время как традиционалисты из числа обычных, практикующих мусульман считали это провокацией. См: <https://uehlsh.livejournal.com>

⁵ Вспомним самодеятельного чеченского певца и сочинителя середины 1990-х годов Тимура Муцтураева, которого любили слушать чеченские боевики, хотя он и пел на русском языке (!). Одна из популярнейших тогда песен так и называлась «Иерусалим» (1998 г.). В ней священный город описывается как великая для мусульман святыня, которая должна принадлежать им. Сегодня эта песня находится в списке экстремистских материалов.

⁶ А такая опасность существует. В 2020 г. на одном из международных мероприятий министр иностранных дел С. Лавров заявил, что Кремль рассматривает вопрос о вступлении в Совет сотрудничества тюркоязычных государств. Значит, мы начинаем ориентироваться на «турецкую модель»?

Источники и материалы

Бобкович 2016 – Бобкович А. Внучка Лихачева: «Всегда знала, что дедушка – великий» // Метро. 26 ноября 2016.

Грязнов 2020 — Грязнов А. Армейская дружба: как Турция ищет союзников в Средней Азии // Газета.ru. 27 октября 2020 г.

Друзь 2011 — Друзь И. Сионизм умирает. Да здравствует иудаизм? // Русская народная линия. 03.09.2011.

Мамлеев 2015 — Мамлеев Ю. На выходе из подполья. Из книги воспоминаний // Завтра. 2015. № 1 (1153). ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция ИЭА РАН в Карачаево-Черкесию и в Калмыкию (г. Элиста), июнь 2009 г.

Проханов 2012 – Проханов А. Газа – туннель в будущее // Завтра. Январь 2012. № 3 (948).

Проханов 2014а – Проханов А. Сталинград не взорвать // Завтра. Январь 2014. № 2 (1051).

Проханов 2014б – Проханов А. Россия, сестра твоя Новороссия! // Завтра. Май 2014. № 20 (1069).

Проханов 2015а – Проханов А. «В терновом венке революций...» // Завтра. Январь 2015. № 2 (1103).

Проханов 2015б – Проханов А. Духовая мобилизация – да! // Завтра. Декабрь 2015. № 49 (1150).

Проханов 2017 – Проханов А. Письмо вождю // Завтра. Ноябрь 2017. № 5 (1209).

Проханов 2020 – Проханов А. Голос из хора // Завтра. Январь 2020. № 4 (1362).

Проханов, Дугин 2017 — Александр Проханов, Александр Дугин. Четвертая политическая теория // Завтра. 2017. 26 (1230).

Тарасов 2019 — Тарасов С. Возрождение нового Турана: когда зацветет Чинара? // REGNUM.RU. 20 октября 2019 г.

Научная литература

Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006 [1916].

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь, Москва: ЛЕАН, Аграф, 1997.

Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.

Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос I. Царство земли. Структура русской идентичности. М.: Академический проект, 2019а.

Дугин А. «Дать русский ответ на вызов Запада» // Завтра. 2012. № 47 (992).

Дугин А. «Партия “Евразия” сегодня затребована жизнью». Выступление на I учредительном съезде Политической партии «Евразия» 30 мая 2002 г., Москва // Основы евразийства / Сост. А. Г. Дугин. М.: Арктоя-Центр, 2002в.

Дугин А. Евразийство: от философии к политике. Доклад на учредительном съезде ОПОД «Евразия» (21 апреля 2001 г., Москва) // Основы евразийства / Сост. А. Г. Дугин. М.: Арктоя-Центр, 2002б.

Дугин А. Г. (сост.) Евразийство. Опыт систематического изложения. Коллективная монография первых евразийцев 1926 г. // Основы евразийства / Сост. А. Г. Дугин. М.: Арктоя-Центр, 2002а.

Дугин А. Г. Ноомахия. Русский Логос II. Русский историал. Народ и государство в поисках субъекта. М.: Академический проект, 2019б.

Дугин А. Г. Ноомахия. Русский Логос III. Образы русской мысли. Солнечный царь. Блик Софии и Русь подземная. М.: Академический проект, 2020.

- Дугин А. Г. Основы geopolитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: Арктоея-Центр, 2000.
- Ермишина К. Б. (сост.) Н. С. Трубецкой. Письма П. П. Сувчинскому. 1921–1928 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К. Б. Ермишиной. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008б.
- Ермишина К. Б. Н. С. Трубецкой и его роль в евразийском движении // Н. С. Трубецкой. Письма П. П. Сувчинскому. 1921–1928 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К. Б. Ермишиной. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008а.
- Кириченко О. В. Общие вопросы этнографии русского народа. Традиция. Этнос. Религия. СПб.: Алетейя, 2020.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Азии. СПб.: Филологический факультет СПГУ, 2005.
- Кожинов В. В. От Византии до Орды. История Руси и русского слова. М.: Алгоритм, 2011.
- Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М., СПб.: Летний сад, 2008.
- Лавров С. Б. и др. Лев Гумилев: Судьба и идеи / С. Б. Лавров и др. М.: Айрис-пресс, 2013.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3-х т. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1987.
- Лихачев Д. С. Предисловие // Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.
- Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2000.
- Лосский Н. О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991.
- Пьянков И. В. Средняя Азия и Евразийская степь в древность. СПб., 2013.
- Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
- Синицын Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991. М.: Центрполиграф, 2019.
- Титаренко М. Л. Евразийство как парадигма сосуществования и расцвета культур // Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015). СПб.: СПбГУП, 2015а.
- Трепавлов В. В. (отв. ред.) Этнические элиты в национальной политике России / отв. ред. В. В. Трепавлов. М., СПб.: изд., 2020.
- Трепавлов В. В. Степные империи Евразии. Монголы и татары. М.: Квадрига, 2019.
- Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2019а.
- Трубецкой Н. С. О турецком элементе в русской культуре // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2019в.
- Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2019г.
- Трубецкой Н. С. Проблемы русского самосознания // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2019б.
- Тюркер Т. История нации: влияние Запада на Российскую и Турецкую империи // Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015). СПб.: СПбГУП, 2015б.
- Федоров А. Е. Влияние геотектоники на активность населения Кавказа // Система «Планета Земля». Нетрадиционные вопросы геологии. XVI научный семинар. Материалы. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2008.
- Федоров А. Е. Влияние геолого-географических факторов на социальные явления и активность людей // Система «Планета Земля». 15 лет междисциплинарному научному семинару. 1994–2009. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009.
- Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Правда, 1989.
- Шукуров Ш. М. Образ храма. М.: Прогресс–Традиция, 2002.

References

- Chaadaev P. Ia. 1989. Apologiya sumasshedshego [Apology of the Madman]. In Chaadaev P. Ya. *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Pravda.
- Dugin, A. 2002. Evraziistvo: ot filosofii k politike. Doklad na uchreditel'nom s"ezde Obshcherossiiskogo politicheskogo obshchestvennogo dvizheniya "Evraziya" (21 aprelia 2001 g., Moskva) [Eurasianism: from philosophy to politics. Report at the founding congress of the All-Russian political social movement "Eurasia" (April 21, 2001, Moscow)] In *Osnovy evraziistva* [Fundamentals of Eurasianism], edited by A. G. Dugin. Moscow: Arktogea Tsentr.

- Dugin, A. 2002. Partiia «Evraziia» segodnia zatrebovana zhizn'iu. Vystuplenie na I uchreditel'nom s"ezde Politicheskoi partii "Evraziia" 30 maia 2002 g., Moskva [The party «Eurasia» is demanded by life today. Speech at the I Constituent Congress of the Political Party "Eurasia" May 30, 2002, Moscow]. In *Osnovy evraziistva* [Fundamentals of Eurasianism], edited by A. G. Dugin. Moscow: Arktogeia Tsentr.
- Dugin, A. 2012. *Dat' russkii otvet na vyzov Zapada* [Give a Russian answer to the challenge of the West]. *Zavtra* 47 (992).
- Dugin, A. G. 2000. *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii* [Fundamentals of Geopolitics. The geopolitical future of Russia. Think in space]. Myslit' prostranstvom. Moscow: Arktogeia Tsentr.
- Dugin, A. G. 2019. *Noomakhia. Russkii Logos II. Russkii istorial. Narod i gosudarstvo v poiskakh sub"ekta* [Noomakhia. Russian Logos II. Russian historian. The people and the state in search of a subject]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Dugin, A. G. 2019. *Noomakhia: voiny uma. Russkii Logos I. Tsarstvo zemli. Struktura russkoi identichnosti* [Noomakhia: wars of the mind. Russian Logos I. Kingdom of the earth. The structure of Russian identity]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Dugin, A. G. 2020. *Noomakhia. Russkii Logos III. Obrazy russkoi mysli. Solnechnyi tsar'. Blik Sofii i Rus' podzemnaia* [Noomakhia. Russian Logos III. Images of Russian thought. Sun king. Blik of Sofia and Underground Rus]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Dugin, A. G., ed. 2002. Evraziistvo. Opyt sistematiceskogo izlozhenii. Kollektivnaia monografiia pervykh evraziitsev 1926 g. [Eurasianism. Experience in systematic presentation. Collective monograph of the first Eurasians in 1926] In *Osnovy evraziistva* [Fundamentals of Eurasianism], edited by A. G. Dugin. Moscow: Arktogeia Tsentr.
- Ermishina, K. B. 2008. N. S. Trubetskoi i ego rol' v evraziiskom dvizhenii [N. S. Trubetskoy and his role in the Eurasian movement]. In *N. S. Trubetskoi. Pis'ma P. P. Suvchinskому. 1921–1928* [N. S. Trubetskoy. Letters to P.P.Suvchinsky. 1921-1928], edited by K. B. Ermishinoi. Moscow: Biblioteka fond "Russkoe Zarubezh'e"; Russkii put'.
- Ermishina, K. B., ed. 2008. *N. S. Trubetskoi. Pis'ma P. P. Suvchinskому. 1921–1928* [N. S. Trubetskoy. Letters to P.P.Suvchinsky. 1921-1928]. Moscow: Biblioteka fond "Russkoe Zarubezh'e"; Russkii put'.
- Fedorov, A. E. 2008. Vliyanie geotektoniki na aktivnost' naseleniiia Kavkaza [Influence of geotectonics on the activity of the population of the Caucasus]. In *Sistema «Planeta Zemlia». Netraditsionnye voprosy geologii. XVI nauchnyi seminar. Materialy* [System «Planet Earth». Unconventional questions of geology. XVI scientific seminar. Materials Influence of geological and geographical factors on social phenomena and human activity]. Moscow: Moskovskii Gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova.
- Fedorov, A. E. 2009. Vliyanie geologo geograficheskikh faktorov na sotsial'nye iavleniiia i aktivnost' liudei [Influence of geological and geographical factors on social phenomena and human activity]. In *Sistema «Planeta Zemlia». 15 let mezdistsiplinarnomu nauchnomu seminaru. 1994–2009* [System «Planet Earth». 15 years of interdisciplinary scientific seminar. 1994-2009]. Moscow: Moskovskii Gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova.
- Gumilev, L. N. 1989. *Drevniaia Rus' i Velikaia step'* [Ancient Russia and the Great Steppe]. Moscow: Mysl'.
- Gumilev, L. N. 1990. *Geografiia etnosa v istoricheskii period* [Geography of the ethnus in the historical period]. Leningrad: Nauka.
- Kirichenko, O. V. 2020. *Obshchie voprosy etnografii russkogo naroda. Traditsiia. Etnos. Religiia* [General questions of the ethnography of the Russian people. Tradition. Ethnos. Religion]. St. Peterburg: Aleteiia.
- Kliashtronyi, S. G., and D. G. Savinov. 2005. *Stepnye imperii drevnei Azii* [Steppe empires of ancient Asia]. St. Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPGU.
- Kozhinov, V. V. 2011. *Ot Vizantii do Ordy. Istoriiia Rusi i russkogo slova* [From Byzantium to the Horde. History of Russia and the Russian word]. M.: Algoritm.
- Kuz'mina, E. E. 2008. Arii – put' na iug [Arias - the way to the south]. M., St. Peterburg: Letnii sad.
- Lavrov, S. B., et. al. 2013. *Lev Gumilev: Sud'ba i idei* [Lev Gumilev: Fate and Ideas]. Moscow: Airis press.
- Likhachev, D. S. 1987. Poetika drevnerusskoi literatury [Poetics of Old Russian Literature]. In *Likhachev D. S. Izbrannye raboty: V 3 tomakh* [Selected works: In 3 volumes]. Vol. 1. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura.
- Likhachev, D. S. 1989. Predislovie [Foreword]. In Gumilev L. N. *Drevniaia Rus' i Velikaia step'* [Ancient Russia and the Great Steppe]. Moscow: Mysl'.
- Losev, A. F. 2000. *Vladimir Solov'ev i ego vremia* [Vladimir Soloviev and his time]. Moscow: Molodaia gvardiia.

- Losskii, N. O. 1991. *Istoriia russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Vysshiaia shkola.
- P'iankov, I. V. 2013. *Sredniaia Aziia i Evraziiskaia step' v drevnosti* ' [Central Asia and the Eurasian steppe in antiquity]. St. Peterburg.
- Savitskii, P. N. 1997. *Kontinent Evrazia* [Continent Eurasia]. Moscow: Agraf.
- Shukurov, Sh. M. 2002. *Obraz khrama* [Essays Temple image]. Moscow: Progress—Traditsiia.
- Sinitsyn, F. L. 2019. *Sovetskoe gosudarstvo i kochevники. Istoriia, politika, naselenie. 1917–1991* [Soviet state and nomads. History, politics, population. 1917-1991]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Titarenko, M. L. 2015. *Evraziistvo kak paradigma sosushchestvovaniia i rastsvera kul'tur* [Eurasianism as a paradigm of coexistence and flourishing of cultures]. In *Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniiia. Globalizatsiia i dialog kul'tur. Izbrannye doklady (1995–2015)* [International Likhachev Scientific Readings. Globalization and dialogue of cultures. Selected papers (1995-2015)]. St. Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gumanitarnogo universiteta profsoiuzov.
- Tiurker, T. 2015. *Istoriia natsii: vliianie Zapada na Rossiiskuiu i Turetskuiu imperii* [History of a nation: the influence of the West on the Russian and Turkish empires]. In *Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniiia. Globalizatsiia i dialog kul'tur. Izbrannye doklady (1995–2015)* [International Likhachev Scientific Readings. Globalization and dialogue of cultures. Selected papers (1995-2015)]. St. Peterburg.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gumanitarnogo universiteta profsoiuzov.
- Trepavlov, V. V. 2019. *Stepnye imperii Evrazii. Mongoly i tatary* [Steppe empires of Eurasia. Mongols and Tatars]. Moscow: Kvadriga.
- Trepavlov, V. V., ed. 2020. *Etnicheskie elity v natsional'noi politike Rossii* [Ethnic Elites in the National Policy of Russia]. Moscow, St. Peterburg.
- Trubetskoi, N. S. 2019. *O turanskem elemente v russkoi kul'ture* [About the Turanian element in Russian culture]. In Trubetskoi N. S. *Nasledie Chingiskhana* [Genghis Khan's Legacy]. Moscow: Eksmo.
- Trubetskoi, N. S. 2019. *Obshcheslavianskii element v russkoi kul'ture* [Common Slavic element in Russian culture]. In Trubetskoi N. S. *Nasledie Chingiskhana* [Genghis Khan's Legacy]. Moscow: Eksmo.
- Trubetskoi, N. S. 2019. *Problemy russkogo samosoznaniia* [Problems of Russian Identity]. In Trubetskoi N. S. *Nasledie Chingiskhana* [Genghis Khan's Legacy]. Moscow: Eksmo.
- Trubetskoi, N. S. 2019. *Vzgliad na russkuiu istoriiu ne s Zapada, a s Vostoka* [A look at Russian history not from the West, but from the East]. In Trubetskoi N. S. *Nasledie Chingiskhana* [Genghis Khan's Legacy]. Moscow: Eksmo.
- Val'denberg, V. E. (1916) 2006. *Drevnerusskie ucheniiia o predelakh tsarskoi vlasti* [Old Russian teachings about the limits of royal power]. Moscow: Izdatel'skii dom Territoriiia budushchego.
- Vernadskii, G. V. 1997. *Mongoly i Rus'* [Mongols and Russia]. Tver', Moscow: LEAN, Agraf.

EURASISM FOR MODERN NATIONAL RUSSIA

